

Любовь Бортник

**Ягуар,
или Тот, кто
живёт один**

Любовь Бортник

Ягуар, или Тот, кто живёт один

«Издательские решения»

Бортник Л.

Ягуар, или Тот, кто живёт один / Л. Бортник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938327-3

Некогда в Америке жили индейцы. Многие факты о них уже канули в Лету. История Ягуара — это история храброго и противоречивого индейца племени гуронов. Остановит ли он кровопролитные войны не только с бледнолицыми, но и с другими племенами индейцев? Сможет ли герой найти своё счастье? Смирится ли он с судьбой или сам будет строить свою жизнь?

ISBN 978-5-44-938327-3

© Бортник Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ягуар, или Тот, кто живёт один

Любовь Бортник

© Любовь Бортник, 2019

ISBN 978-5-4493-8327-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава I

Северная Америка. 1649 год. В краю Великих Озёр тогда было, скажем, беспокойное время, если нельзя сказать, самое беспокойное время за прошедший период жизни коренных американцев. Уже несколько десятилетий враждующие между собой ирокезы и гуроны не могли прийти к мирному соглашению, хотя, возможно, и не хотели к нему приходить, ведь для каждого племени отстаивать свою территорию было не только долгом, но и честью. Ирокезы начали воевать с гуро́нами ещё до начала Бобровых войн, которые оказали существенное влияние на жизнь индейцев того региона в целом и предзнаменовали новый виток в торговых отношениях европейцев и коренных американцев. Так, ирокезско-гуронская война продолжалась много десятилетий, пока не наступил переломный момент. Когда 17 век приближался к экватору, в местах, полных бобрами и другими, менее ценными пушными зверьми, царил союз 6 племён – родственные племена мохоки, онейды, сенеки, кайюги, онондаги и, присоединившиеся позже, тускароры. Конечно читателю, возможно, будет сложно запомнить названия всех 6 племён, для этого, видимо, и существовало общее название союза – ирокезы. Их также называли макуасами или мингами. Враждовавшие долгое время с гуро́нами, ирокезы, а они были далеко не мягкотелым народом, нажили себе множество врагов, и перед началом Бобровых войн к ним, помимо гуро́нов, относились уже и ленапы, в большинстве своём состоящие из делаваров и моги́кан. Последние также подверглись нападению со стороны ирокезов и были вытеснены со своих земель. В те времена артерией союза 6 племён было племя онейда, которое со своим вождём Аску́ном, или как называли его многие – Змеёй, в 1649 году и заставили моги́кан сдать свои земли. В то время большинство сражений было причиной нежелания делить территории, на которых добывалось большинство пушнины, которая продавалась европейцам. Но до начала этих конфликтов ирокезы нанесли весьма ожидаемый визит гуро́нам, которые в большинстве своём обитали на берегах озера Гурон. Мы будем называть водоёмы и поселения так, как их называют сейчас, чтобы читателю было проще понять, о чём идёт речь. Перенесёмся на 9—10 лет назад. Онейды же жили на берегах Онтарио, однако некоторая часть гуронских, деревень перебираясь с Гуро́на к истокам реки Святого Лаврентия, остановилась на Онтарио, не успев преодолеть трудный и долгий путь. Так, между онейдами и частью вайандотов лежало всего несколько километров, и путь к гуро́нам заслонял только массивный лес, который не был проблемой для опытных воинов, да весьма проходимые болота. Тогда вождь Аскун вместе со своими воинами решили сделать вылазку во вражескую деревню. Когда солнце только начало заливать вершины гор, а в низовьях ещё гулял лёгкий туман, Аскун вышел из своей хижины и осмотрелся вокруг. На небольшом холмике, который был своеобразным постом, стоял караульный. Аскун сделал несколько жестов в его сторону, и молодой ирокез выудил из себя мрачные и неуклюжие звуки, подражавшие крику гагары. Это был своеобразный зов, и, хоть звуки, которые издал часовой, были не очень то похожи на гагару, привычные к голосу своего караульного воины через несколько секунд вышли из своих жилищ и уже направлялись в сторону своего вождя. Так как они разговаривали на ирокезском наречии, которое было бы не понятно читателю, мы будем передавать суть всех разговоров на родном нам языке. Воины шли не спеша, и было видно, что к этой встрече с вождём они были готовы заранее. Аскун сделал одобрительный жест в сторону молодого воина, глядя на его томагавк.

– Это хорошее оружие, – произнес Аскун, и жестом попросил молодого человека дать топор, что бы лучше его рассмотреть. Воин подчинился, и Аскун, взяв томагавк, стал рассматривать его очень тщательно. Оружие действительно было прекрасным, ручка топора была разу-

крашена черными полосами, вперемешку с красными, а на верху, над самым лезвием, висело 2 черно-белых пера, что означало участие в победном бою.

– Это хорошее оружие, – повторил Аскун после долгого изучения топора, – молодой воин уже видел кровь, и значит сегодня не побоится снять скальп с гурона. С этими словами он отдал томагавк юноше и, дождавшись когда все его соплеменники, которые были в состоянии воевать, собрались в целостный отряд, издал боевой клич. В это же мгновение весь лес был оглушён этим зовом, и казалось, даже все жившие в нём создания, уже знали, чем знаменуется этот клич. Солнце уже озарило горы, и воины двинулись в путь. Им предстояло пройти около 6 километров через лес, и чуть больше по берегу озера. Но так как враги были недалеко, а отряд Аскуна был весьма многочислен, около 300 ирокезов, нужно было двигаться как можно тише, не привлекая к себе внимания. Вождь шел впереди отряда. Его называли Змеёй не только белые, но и практически все индейцы, как враги, так и соратники, и называли не зря. Подобно змее он мог пройти по любой тропе, не оставив ни единого следа. Он передвигался так бесшумно, что даже если бы деревья вдруг замолчали и ветер покинул эти края, а всё живое, что могло дышать и издавать какие-либо звуки, в мгновение омертвело, даже тогда бы, никто не услышал бы шагов Аскуна, настолько он был осторожен, но в тоже время проворен. Он был по-настоящему атлетически сложен, а его богатырский рост в совокупности с силой, давали ему огромное преимущество в рукопашной схватке. Его тело было разукрашено боевой раскраской, которая, если даже смотреть издалека, сразу говорила о намерениях её носителя. На голове красовалась скальповая прядь, которую по обыкновению носили ирокезы, часть волос была заплетена в косу, а у основания пряди, привязанный жгутом, висел целый пучок орлиных перьев разных расцветок, которые сразу говорили и о заслуге воина, и о его храбрости, и о величии. В этих местах царило тепло, и воинам не нужно было обременять себя меховыми плащами. Привычные к утренним холодам, они спокойно передвигались в леггинсах, или лишь в набедренной повязке, а на ногах, как и у всех индейцев, у них были мокасины, которые помогали им не создавать шума при ходьбе.

Когда солнце уже полностью озарило долину, где было пристанище ирокезов, отряд Аскуна уже добрался до деревни гуронов. Они не спешили нападать. Вождь подозвал к себе шестерых воинов, по-видимому они были лучшими в своём деле и пользовались уважением предводителя. –Если у храбрых воинов есть предложения, они могут говорить, – сказал вождь и жестом показал, что мужчины могут выдвинуть свои идеи на счёт атаки и дальнейших действий, и дал полную свободу слова. –Мы можем разделиться, одна часть нападёт с тыла, другая отсюда, мы загоним их в ловушку, –проговорил один из воинов. –Лучше окружить их и отрезать все пути, по которым они смогли бы уйти, –перебил его другой. Аскун молчал, раздумывая над словами соратников. —У воинов есть еще предложения? –Да вождь. Приготовим лук и стрелы. Быстро разведём небольшой костёр, и пустим стрелы с огнём. А после сразу атакуем. Сожжём деревню. Кто попытается спастись, убьём нашими томагавками, –сказал молодой юноша, с таким воодушевлением поднявший свой разукрашенный томагавк вверх. –Твоё оружие говорит, что ты храбр, после победы мы будем называть тебя Этейхай-Острый томагавк. Вождь одобрил предложение юного ирокеза, чья храбрость и хитрость смягчила его твёрдый и голодный до крови взгляд. Приготовления к атаке заняли несколько минут, и воины уже были наготове, оставалось ждать приказа вождя. Пристанище было весьма многочисленно – около 280 гуронов остановились в этих краях. В деревне было спокойно, дети шныряли из хижины в хижину, мужчины осматривали своё оружие, и вряд ли кто-то ждал нападения. В центре деревне стояла хижина, по виду больше напоминавшая ирокезскую овачиру. В этом жилище, по-видимому, жил вождь гуронов и его семья. Из хижины поспешно вышел совсем юный парень, за ним выбежала маленькая девочка, а следом их мать, что-то кричавшая парню. После попыток вернуть мальчика домой в защищённое место, и видя, что юноша не собирается повиноваться, женщина позвала девочку и ушла обратно в жилище. Мальчишка, лет 12 отроду,

а звали его Науэль, что значило Ягуар, направился в сторону хижины, внутри которой, и снаружи, находились мужчины. Он с осторожностью пробирался ближе и ближе к ним, чтобы понаблюдать и послушать о военном деле. Он практически ничего не расслышал, в тот момент весь лес заревел жутким воплем, от которого Науэль остоленел. Он знал, как звучит боевой клич ирокезов. С 6 лет его брали в различные походы и вылазки, в свои 12 на его счету было несколько убитых мингов. Но в силу возраста, он был ещё ребёнком, и конечно в его душе ещё жил страх, хоть и отвага иногда брала верх над ним. Мужчины вскочили со своих мест, схватили оружие, в то время как из леса полетели огненные стрелы. Они попадали то в землю, то в хижины, то в бегающих в страхе людей. Одна стрела попала в оружейную хижину, где находился настоящий клад, настоящее сокровище гуронов – небольшой бочонок с порохом, который им отдали голландцы взамен 2—3 рулонов пушнины. Порох загорелся и взорвался, осколки орудий разлетелись в разные стороны, зацепив какого-то молодого, но храброго гуруна, который намеревался начать атаку в лес, но не сумел осуществить свой план. Через несколько минут вся деревня была в огне, огонь перекинулся и на хижину вождя, откуда выбежали женщина с ребёнком на руках, маленькая девочка, и двое мужчин. В это время ирокезы начали свою атаку вооружившись томагавками. Они выбежали с нескольких сторон, окружив пылающую деревню, не давая гуروнам шансов на спасение. Науэль стал звать мать, искать её и своих братьев и сестру. Он побежал в сторону своего горящего жилища, но столкнулся с кем-то. Быстро очнувшись от столкновения, он побежал дальше, но увидел, что его мать уже лежит на земле со снятым скальпом и с томагавком в спине, а его совсем маленький брат, под ней. Он подбежал к ним, но они не выказали никаких признаков жизни. Ирокезы носились из одного края деревни в другой, перерубая черепа каждому, кто встретится на пути, и если бы не пожар, долина, где жили гуроны, наполнилась бы кровью, как бокал знатного помещика вином. Науэля не даром звали Ягуаром, он был таким же свирепым, но только когда это было нужно. Он вытащил томагавк из тела матери, и хотел дать бой мингам, но кто-то схватил его за плечо. — Отец! — Науэль, недалеко от старой сосны, где мы недавно рыбачили с тобой, лежит большой сухой дуб, в нём пирога. Беги туда, возьми пирогу, когда проплывёшь 500—600 метров начни браться на восток, потом увидишь возвышающуюся скалу, сделай в пироге пробоину и пусти по течению, а сам доплыви до берега и доберись до скалы, в ней есть пещера, там ты будешь в безопасности. — Но отец! Мать, сестра и братья! — Нас уже не спасти, беги сын, и сбереги честь нашего народа. Беги! Науэль не мог не повиноваться вождю, тем более в нём всё ещё была, хоть и маленькая, но доля страха и страдания, от чего он был бы не так силен в схватке. Он был не большого роста и худеньким, несмотря на то что большая часть храбрости его покинула, он всё же был очень проворным и хитрым, и сумел вырваться из вражеского окружения. С томагавком в руках, он добрался до места, где должна была быть пирога. После недолгих поисков он нашел средство для плавания и через несколько минут уже делал гребки восточнее места своего отплытия. Пару раз, пока Науэль плыл, он оборачивался, и смотрел в сторону своей деревни, откуда только шёл дым и, вскоре, донёсся победный клич ирокезов. Науэль знал, если они издали этот клич, значит они уже не будут его преследовать, так как считают, что уничтожили всех врагов в этом бою. С лица мальчика сошло напряжение, он стал грести не так активно, и отвёл глаза от воды, в которую впивался взглядом последние десятки минут своего плавания. Перед ним открылась зеркальная гладь озера. Он держался недалеко от берега, и мог наблюдать, как ветви прибрежных деревьев, купаясь в воде, создавали арку, под которой спокойно могла проплыть пирога. Он сделал несколько ловких движений, и приблизился к купающимся ветвям. Сделав себе проход, он проплыл в глубь природной арки и направился дальше. Спустя примерно час такого спокойного плавания, во время которого он то и дело выглядывал из под веток, чтобы не упустить скалу, к которой он направлялся, он наконец увидел вдалеке гордо возвышавшийся утёс. Вспомнив слова отца он остановился, вылез из пироги, сделал топором в судне пробоину, раздвинул ветви и пустил лодку в свободное дрейфование. У берега

было не глубоко и он прошёл ещё несколько метров по воде, а потом, найдя подходящее место, направился в лес. Пройдя в гору с километр он увидел еле заметную тропку, которая вела прямо к скале. Было видно, что по этой тропе ступали много раз, но было это давно. Науэль добрался до скалы и обнаружил, как отец и говорил, пещеру. День близился к концу и юноше необходимо было где-то отдохнуть и собраться с мыслями. Он собрал немного валявшихся по близости веток и оборудовал в пещере себе постель. Вход пещеры уже не озарялся солнцем, так как оно начало садиться, а светло было внутри только в полдень, а когда солнце заходило, оно оказывалось позади пещеры, что давало мальчику небольшое преимущество- если вдруг минги будут преследовать его по озеру, они, даже в ярких солнечных лучах, не заметят пещеры, а так как с лесной стороны солнца к вечеру уже не было, то и заметить вход в скалу было бы сложно, нужно было бы специально останавливаться и сходить на берег, пробираться сквозь лес, а так как скала находилась выше уровня воды в озере метров на 15, обитатель убежища заметил бы приближающуюся опасность. В общем, вождь гуронов знал, что говорил, и обеспечил своему сыну безопасное ближайшее будущее.

Глава II

Вернувшись в своё становище вождь Аскун собрал весь народ, чтобы продемонстрировать успехи своих воинов. Пройдя в центр долины, Аскун воткнул в землю длинный тонкий кол, на котором висело 6—7 скальпов. В те времена у ирокезов это действие было самое почтаемое – воин демонстрировал скальпы врагов, бессловесно говоря о победе и о своей храбрости. Вся долина взорвалась радостным, но жутким воплем, означавшим победу над гурунами. —Во времена, когда все ирокезские племена жили в разных землях, и даже тогда, когда еще не было союза наших племён, наши предки воевали за свою честь и жизнь, они храбро сражались с делаваками и могиканами. Позже, когда гурунские собаки осмелились оставить след своего мокасины на землях ирокезов, солнце для них перестало светить так ярко, как для нас. Вождь начал углубляться в историю сражений своего народа, вспоминал о великих победах, о том, какими отважными были их предки. Впрочем, как всегда бывало в таких случаях, после яркой победы над каким-либо врагом, индейцы начинали вспоминать всю историю своего народа. Наконец Змея подошёл к рассказу о делах недавно минувших. – Когда мы подошли к пристанищу врагов, мало кто осмелился высказать свои идеи. Но этот мальчик, -а он указал на упомянутого нами ранее юного ирокеза с цветным томагавком, -этот мальчик проявил не только храбрость, но и отвагу. Если бы великий Антинэнко-Орёл Солнца-вождь вождей, был среди нас во время битвы, он бы сразу наградил этого юношу своим солнечным пером. Но он был далеко в небе, подобно орлу и солнцу, парил, защищая нас. И он подсказал мне, как мы можем наградить этого смелого молодого воина. Мы будем звать тебя Этейхай-Острый томагавк. Произнеся радостный зов, вся долина заразилась этим весёлым событием. Практически всех детей и юношей этого племени называли Нойнун, но после какого-то выдающегося достижения в битве, их нарекали новым именем, которое говорило об их заслугах. С этим именем они уже и шли дальше по жизни. Ещё несколько часов в племени стоял шум и гвалт, у костра танцевали победные танцы, некоторые воины рассказывали подробности боя, ничуть не приукрашивая события. Наступила ночь, и в деревне уже было более-менее спокойно. Так жили ирокезы несколько лет, иногда мирно, а иногда им приходилось снова браться за оружие и совершать кровопролитные набеги. Шло время, остатки гурунов, оттеснённых на север и запад, почти на казали носа во владения ирокезов. Это не спасло их, и во время эпидемии оспы в 1638 году гурунов осталось не больше 10 тысяч человек, а через почти 10 лет после поражения от ирокезов их стало в разы меньше и остатки некогда могучего племени прочно обосновались в долинах реки Святого Лаврентия. Но мир развивался, и европейцы не могли не сыграть свою роль в жизни индейцев. Всё больше европейцев прибывало к берегам Великих Озёр, они даже обучали некоторых индейцев английскому или французскому языку, что благотворно сказалось на построении дальнейших торговых отношений между бледнолицыми и краснокожими. Но, перенесёмся в годы, с каких начиналось наше повествование. В 1649 году начались битвы за территории, богатые бобрами. Но так как ирокезы были не единственными, кто мог бы вести торги с европейцами, уже известное нам племя онейда, во главе с Аскуном, не раз пытались уничтожить своих главных соперников на рынке – могикан. Онейда, жившие тогда на озере Онтарио, не раз направлялись на Гурун и Мичиган с попытками разгромить могикан и прекратить их существование. Но им это долго не удавалось, пока Аскун со своим отрядом, не взялись за это дело. За время после победы над гурунами, ирокезы обзавелись гораздо более интересным оружием, чем томагавки и лук. С приходом европейцев у них в руках оказалось множество огнестрельного оружия разного типа. Ирокезы разбились на несколько отрядов – каждый отправился в положенные для зачистки места, где с каждого могикинина ирокезы должны были снять скальп. Отряд Аскуна отправился на Гурун, где к этому времени, основательно обосновалась небольшая часть могикан. В его отряде было около 150 человек,

в то время как могикан было не больше 80. Через 2 часа после захода солнца Аскун собрал своё войско для того чтобы обговорить план нападения. После часа переговоров, когда все нюансы были уяснены, Аскун направился в свою хижину, что бы поговорить со своей дочерью. У Аскуна подрастала дочь Мимитех-Новая Луна, и был взрослый сын, Энэпей, что по-ирокезски значило Храбрый. Сына он брал в это трудоёмкое путешествие, он считал, что сын вождя уже должен был давно повесить на свой пояс скальп делаваара и привязать к волосам орлиное перо, хоть он и был юн. После недолгого прощания Аскун и Энэпей вышли из хижины наружу, где отряд мингов уже ждал приказа и жаждал услышать клич, означающий атаку, но нужды в нём не было, так как до лагеря могикан было достаточно долго идти, и по весьма неудобному пути, и мнение, что клич будет издан, когда они увидят дым костров могикан, было разумным. В те времена бобры, живущие на берегах Онтарио, сильно пострадали. Французы, прибывшие ещё за год до чуть выше описанных событий, нуждались в мехе и шкурах, которые им поставляли ирокезы взамен на оружие и порох. И так как могикане не хотели оставаться в стороне, то они тоже начали истреблять бобров, и, за более низкую плату, продавали пушнину европейцам, что последним нравилось больше, ведь за меньшую плату они приобретали больше шкур, и это, естественно стало камнем преткновения между ирокезами и ленапами, и, возможно, отправной точкой Бобровых войн. Нежелание делиться возможностью приобретения нового и весьма ценного оружия и побудило ирокезов напасть на могикан. В ту ночь, когда Аскун со своим отрядом вышел в направлении лагеря могикан, разразилась сильная буря. Отряду пришлось остановиться на ночлег прямо в лесу. Предводитель, оборудовав убежище для себя и сына, приказал всем быть начеку. -До лагеря могикан всего пара километров, а эти проворные собаки могут выйти из своих хибар даже в такое ненастье. Переждём непогоду здесь, как буря утихнет – двинемся в путь. Он отправил одного из воинов приготавливать себе укромное место и назначил часового. Проникнув к себе в укрытие, он заметил каким отрешённым был его сын. —Туча села на лицо Храброго ирокеза. Я вижу, как тебя беспокоит ненастье. — Быть может, отец, нам не стоило начинать этот поход, и сама природа препятствует нам. Или, быть может, она предупреждает нас. -Несомненно, она нас предупреждает, сын мой. Она предупреждает, что дело которое мы творим, будет тяжелым, и если мы переживём сегодняшнюю ночь, поверь сын, природа наградит нас за нашу отвагу. Сегодня, мать-природа раскрывает себя перед нами, и дарует милость, чтобы мы смогли отдохнуть. Она благосклонна к храбрым воинам. Но если юный ирокез боится могикан... -Нет отец, я боюсь что нас настигнет кара за наши деяния. -Кара... Наслушался миссионеров, которые свою трусость и слабость прячут за верой. Такие мысли не достойны ирокеза. Ты огорчил меня сегодня, сын. С этими словами он отвернулся от сына и начал готовится ко сну, жестом показав Энэпею, что тот тоже должен лечь спать, и, так как он в эту ночь подверг свою храбрость сомнению, чем вогнал отца в раздумья, вождь предоставил сына самому себе и оставил его в безмолвии до самого утра. Буря утихла ещё до рассвета и, после недолгих приготовлений, отряд снова двинулся в путь. Через час с небольшим они были уже в нескольких сотен метров от пристанища могикан. Они шли осторожно, ведь в это время деревня уже не спала и мужчины могли оказаться в опасной близости от отряда. Вдруг, по лесу пробежался гулкий голос выстрела карабина, и один из мингов рухнул на землю, после чего прозвучал протяжный вой, который означал, что могикане обнаружили врагов и первыми вступили в схватку. В это время, с западной стороны леса, выбежала целая ватага индейцев, и ирокезам пришлось сбиться в один отряд. После непродолжительной тирады выстрелов, когда кучка могикан лежала лицом в листьях, и всего 2—3 индейца продолжали атаку, ирокезы рассредоточились, и часть воинов, с Аскуном во главе, двинулась на деревню. Тут же из леса выбежало несколько десятков могикан, которые сразу получили пулю в лоб, или томагавк в спину. Предоставим читателям возможность самим представить, как велась битва и какими способами были убиты могикане, так как события эти были непродолжительны. После того, как часть могикан была убита, а часть просто сдалась, несколько

ирокезов собрали отряд и повели остатки могикан в места, не угрожавшие приостановлением торговых отношений с европейцами, а точнее на западные берега Гурона. После счастливой победы, Аскун, его сын и остальные воины, что остались в живых, снова прибыли в своё родное поселение. В то продолжительное время, что отделяло победу отряда Аскуна над гурунами и победу над могиканами, остатки поражённых гурунов вели своё хозяйство на севере Верхнего озера и никаким образом не собирались вступать в конфликт с более могущественным и многочисленным племенем ирокезов. И читателю наверняка будет интересно узнать, как всё это время жил юный гурон Ягуар, которого ирокезы больше знали как Энкудэбэу, что значило «тот, кто живёт один». Когда Науэль добрался до своего спасительного убежища, макуасам уже не было дела, остался кто-то из деревни жив, или нет. Но среди ирокезов то и дело ходили истории о мальчике, а позже муже, который не принадлежал ни к какому племени, за что его и называли Энкудэбэу. Науэль, после того ужасного для него дня, провёл в ранее упомянутой пещере несколько ночей, а позже отправился в труднейший путь, и через несколько недель своего путешествия, добрался до озера Сент-Клэр, где и жил последние годы. Но дух воина никогда не покидал его, а ненависть к ирокезам с каждым годом только росла, как и он сам. Если он узнавал, что где-то по близости будет совершен набег ирокезов, он направлялся туда, как посланец мира, и помогал подавляемому племени в борьбе с противниками. Он прославился среди многих племён, но никому из тех, с кем он воевал на одной стороне, или же на противоположной, не удалось поговорить с ним и узнать его историю. Так, он оставался тёмной и страшной загадкой для всех индейцев. Несколько раз он бывал в поселении гурунов на Верхнем озере, когда те еще не были уничтожены ирокезами, сначала, что бы узнать, выжил ли кто из его родных, а потом, вместе с мужчинами помогал отстраивать новую деревню, ходил на охоту. Когда однажды он, вернувшись с охоты, а обычно после этого он берёт немного пищи и уходит в дальнейшие странствия, он решил остаться в деревне, чтобы поучаствовать в приготовлении к празднику урожая, а после и отдохнуть немного, наблюдая за удивительными процессиями во время празднования. Когда праздник был в самом разгаре, к Науэлю под села девушка, лет 15. —Ты много добра делаешь для нас. Я слышала, как воины говорили, что ты отлично охотишься, подобно ягуару. Науэль не выказал никакого волнения или подозрения к девушке. —Мой отец один из старейшин, и он рассказывал мне о мальчике, который смог спастись от мингов, когда те напали на беззащитную деревню и сожгли её. Не бойся, я сохраню твою тайну, и открою её только если ты сам этого захочешь. —Это лишь история, Аламеда. Старики и шаманы знают много подобных. С этими словами Науэль встал со своего места и хотел было уйти, но обернулся. —А деревня была не так и беззащитна, — сказал он, и направился в сторону леса. Пройдя мимо кучки весёлых детей, он скрылся в тёмной густоте листвы. Эти места были довольно тихими и защищёнными, и молодой воин не боялся внезапного нападения врагов, но слова девушки заставили вспомнить его тот злополучный день и пережить снова ту боль утраты, и затаённая ненависть снова вылилась наружу. Он вёл достаточно спокойную по тем меркам жизнь и никогда сам на рожон не лез, хотя его оружие и сила позволили бы одержать победу в схватке с парой тройкой мингов. Он был отличного склада, ростом он немного не доставал вставшего на задние лапы разъярённого медведя, да и по силе уступал ему совсем не много. И то было дано ему самой природой, которая практически и воспитала его. Он не был, при своём росте, особо габаритен, он действительно напоминал ягуара, такой же вёрткий и пластичный, он мог, как кошка, забраться на какое-нибудь дерево и провести на нём ночь, и если опасность была бы близко, его острое зрение и воинский слух обязательно бы рассекретили врага. Все эти годы с собой он носил небольшой томагавк, тот самый, который вынул из спины матери. Но, так как он принадлежал ирокезу, а оружие у каждого племени носило какие-либо отличительные черты, ему пришлось обернуть топор куском ткани, и он никогда не использовал его в бою или на охоте, но каждый день, тогда, когда его никто не видел, а он мог бы услышать, что кто-то за ним наблюдает, он поддерживал остроту его лезвия. Тогда,

когда он был ещё совсем юн и неопытен, сидя в пещере, в своём убежище, он долго смотрел на томагавк врага и однозначно для себя решил – нет прощения тому, у кого оказался скальп его матери, и когда-нибудь он отомстит грязному ирокезу.

Глава III

В 1651 году на берегах Великих озёр высадился отряд французской армии. Они заняли юго-западную часть Гурона. В этих местах было достаточно много живых бобров, и французы решились на экстремальный экономический поворот. Платить ирокезам или могиканам за шкуры они перестали, и решили, что куда выгоднее будет добывать шкуры самим. Сами ирокезы же жили тогда на берегах Онтарио, но некоторые племена расселились по берегам других озёр в силу многочисленности своего народа и нежелания оставлять богатые земли на произвол судьбы. Тогда, с юго-восточной стороны к Гурону подошла часть племени онейда и попыталась прочно обосноваться там. И конечно, так как на одном озере только на разных берегах, на одном ирокезы, которые не хотели делиться бобрами и хотели получать вознаграждения за свою работу, а на другом французы, которые в свою очередь не хотели делиться ни бобрами ни оружием, конечно стороны знали о существовании друг друга и то, что они по праву своего рождения должны были отстаивать свою правоту, не могло не привести к войне. В этот год появились предпосылки для начала Бобровых войн. В те времена, оставшиеся могикане жили на западной стороне Гурона, и французы, так как они были многочисленнее и сильнее, уговорили их присоединиться к коалиции против ирокезов, что бы завладеть землями и, обитавшими там, бобрами. Тогда, обескровленные после разгрома ирокезов могикане верили, что сила и мощь бледнолицых наконец вернут былую славу, честь и мощь могикан. С этого момента могикане тех краёв и французы, прибывшие туда, образовали коалицию, которая должна была нанести удар по ирокезам и оттеснить их в безродные и нищие, уже к тому времени, берега Онтарио. Слух о том, что бледнолицые объединились против ирокезов разошёлся на много километров и не обошёл стороной странствующего гурона. Когда он в очередной раз посетил деревню своего племени, которое к тому времени уже было оттеснено на восток, к истокам реки Святого Лаврентия, тогда он и узнал о планах французов, которые ему несомненно понравились. Вся злоба, заточённая внутри что бы выплеснуть её в подходящий момент, казалось во вот вырвется наружу, но Науэль больше захватило сладкое предвкушение мести, и он решил, во что бы то ни стало добраться до лагеря французов и предложить им свою помощь в грядущей войне. Несколько дней, 15 может 20, он шел через лес и преодолевал бескрайние воды Онтарио, пересёк Ниагару, пробирался через бескрайние леса, окружавшие Эри. Однажды на пути ему пришлось не сладко. Он редко останавливался, так как жажда мести гнала его как заведённого, он не чувствовал усталости и ему не требовалось много времени на отдых. Когда он пересекал северную часть озера Эри он встретил там неожиданных гостей. Хотя, наверное, неожиданным гостем скорее был он. Он плыл на своей пироге глубокой ночью, было настолько темно, что он едва различал берега и горизонт, но луна и звезды, явно сулили ему удачу и были на его стороне. Когда ночное светило озарило озеро и стали видны очертания отвесных берегов Науэль заметил, что на озере он не один. Оглядевшись по сторонам, глубоко в лесу он заметил еле заметный трепещущийся огонёк, то был костёр. Сначала он был в замешательстве, ведь он долго не был в этих краях и не мог сразу догадаться чьё бы становище это могло быть. Он перестал грести, и, оставив вёсла, стал прислушиваться, в надежде уловить хоть какие-то звуки. К его счастью, ему повезло – он не только расслышал звуки, но и смог даже расслышать слова. -Эти бледнолицые слишком близко смотрят, они видят только свои мокасины, они глухи не замечая, как быстро шагают мокасины ирокезов. -У них нет мокасин, брат. У них белые голые ноги, которые даже когда лежат делают больше шума, чем муравей. Потом индейцы рассмеялись и завели новый разговор уже о волнующих их проблемах, явно касающихся охоты или рыбалки. Но даже той пары фраз было достаточно Науэлю что бы понять – это ирокезы. Что бы не создавать много шума вёслами ему пришлось бы пустить лодку по течению, а он как раз плыл против. Ему нужно было развернуть лодку и обогнуть небольшой остров, не больше

пары километров в длину и ещё меньше в ширину, который находился напротив берега, где было становище ирокезов. Он начал своё незатейливое предприятие с разворота. Спустив одно весло, он аккуратно начал им разворачивать пирогу, время от времени наблюдая за индейцами, а так как было достаточно темно, и луну то и дело заволакивало тучами, он не смог точно определить в каком направлении движутся минги. Когда он наконец развернулся, он собрал вёсла и чтобы не привлечь внимания доверил её чёрной ночной озёрной воде. Он двигался со скоростью течения, а так как скорость была небольшая, он успел насладиться пейзажем и немного отдохнуть от мрачных мыслей и воспоминаний, преследовавших его большую часть пути. Когда луна высывалась из облаков, её отражение легко и непринуждённо колыхалось в зеркале воды. С права от него находился тот самый небольшой островок, с его стороны несколько раз доходили цокочущие звуки, скорее всего белки. —Видимо зверёк так же одинок как я, и скучает по своим братьям. Но можно ли обсуждать того, кто остался одинок не по своей воли, — думал Науэль, а взглянув на свёрток с вражеским орудием он погрузился в совсем печальные думы и воспоминания. —Ты сослужишь своё дело, острый друг, ты рассчитаешься за твоего создателя. Он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как позади его, метрах в 150, плескалась вода, и было очевидно, что кто-то работает вёслами. Науэль вдруг очнулся и даже сразу не смог собраться с мыслями. Он рассчитывал на то, что минги не будут отплывать далеко от своего лагеря, но вдруг, оглядевшись, справа он заметил еще один мерцающий огонёк, но уже более яркий, по-видимому ирокезы заняли и этот небольшой островок. Он оказался в западне. Позади плыла набирающая ход пирога, и с правой и с левой стороны были вражеские логова, из оружия у него было ружье, кинжал и томагавк, ждавший своего часа. Взяться за вёсла и умчаться вперёд минуя остров он не мог — враги бы сразу заметили такое оживленное движение и не упустили бы его из вида. Заметив, что впереди на остров падает тень от недалеко расположенного утёса, он решил положиться на судьбу. Враги были уже в опасной близости и Науэль попытался прижаться к берегу и надеялся, что минги проплывут мимо, не заметив его в тёмной полосе тени. Лодка Ягуара плыла очень медленно, в то время как ирокезы прытко орудовали вёслами и были уже в 5—6 метрах от гурона. Они стали всё больше прижиматься к правому берегу, и так как оживлённо о чём то беседовали и шумно гребли вёслами, возможно они бы и не рассмотрели и не расслышали бы, что буквально в нескольких сантиметрах по воде свободно дрейфует лодка. Но когда они уже почти проплыли мимо Науэля, задняя часть их пироги слегка задела нос пироги гурона, и они резко остановились. Было темно, всё та же полоса тени застлала глаза индейцам, но так как они были с более освещённой стороны, небольшие отблески лунного света нет-нет, да и падали на их тела, и Науэль смог разглядеть их очертания. —Кто в пироге? —спросил минг, но ответа не последовало. Он повторил вопрос. И снова тишина. —Может она пустая? Какой-нибудь делавар сошёл на берег, а пирогу пустил по течению. Тут Науэль осторожно стал доставать ружье. Зная, какие опасности его могли настигнуть, он всегда держал его заряженным, что бы не мешкать, когда придёт время защищаться. Еле улавливая очертания мингов он постарался прицелиться и выстрелил. Гулкий гром выстрела пронёсся по обоим берегам озера, и было слышно, как тело упало в воду. Науэль, быстро подпрыгнув, оказался во вражеской пироге и одним движением перерезал мингу горло, а потом и снял скальп. Он сделал всё быстро, но тянуть было нельзя. Лес уже огласился настороженным зовом и остальные ирокезские воины скорее всего уже выступили в разведку, что бы понять, что произошло на озере. Науэль быстро перепрыгнул в свою лодку, схватил вёсла и стал грести со всех сил, направляясь вперёд, так как огибать остров не было смысла из-за присутствующих там мингов, а поворачивать назад тоже было не резонно, лагеря ирокезов были с обеих сторон. Он работал вёслами очень быстро, и через минут 10 уже был недостижим для ирокезов, тогда он немного сбавил ход и услышал отголоски страшного рёва, который ясно говорил — минги нашли своих братьев. Но то что на одном из двух черепов не оказалось скальпа выразилось в ещё больше душераздирающем вопле. Науэль знал, что его уже не дого-

нят, и сегодняшняя ночь, точнее её окончание, уже не сулит ему беды. Несколько дней ещё он плыл через озеро, днём любясь солнечными переливами на лазурной глади воды, а ночью, становясь таким же угрюмым, как водное зеркало, позволял себе окунуться в глубины своей души, такой же глубокой, как воды Великих озёр. Через ещё несколько дней он наконец достиг западных берегов Гурона, где могикиане и французы готовились к наступлению на ирокезов, они во всю вели приготовления, раздавали индейцам оружие. В этой части береговой линии озера главным был отряд генерала-полковника Жорж-Луи де Шароля, который состоял из двух рот, одной из которых командовал молодой капитан Андре Арно. И так как назревал нешуточный конфликт, французы отправили действительно настоящих военных, имеющих опыт и в более масштабных сражениях и по более весомым мотивам. Метрах в 200 от входа в лагерь, который больше напоминал небольшой форт, Науэль остановил французский солдат. — Стой! Откуда ты прибыл и с какими намерениями движешься в сторону лагеря французской армии? Науэль знал французский язык, так как во время его странствий он не раз забредал в учёные деревни, где европейцы учили детей и взрослых языку и даже письму и чтению, он также, из-за большого в последнее время наплыва европейцев, часто встречал их на своём пути и слышал много речей из уст бледнолицых. — Я пришёл, что бы помочь, — подняв руки, выражая тем самым, что он не опасен, отрывисто произнёс Науэль. — Ладно, отведу тебя к генералу Шаролю. Француз взял Науэля за руки, и грозя ему оружием, повёл в центр лагеря. Проходя, Науэль заметил, как многие могикиане смотрели на него с подозрением. Миновав невысокую навесную палатку, в которой столпились и белые и индейцы, что-то обсуждая, гурон и француз добрались до палатки генерала. — Генерал Шароль! Месьё, этот индеец был схвачен мной перед входом в лагерь. Он сказал, что пришёл помочь нам. Генерал, обсуждая с могикианином, которому он по-видимому охотно доверял, пути отхода в случае неудачи, отвёл взгляд от карты и посмотрел на индейца. Взгляд у него был весьма заинтересованный, и он не чуть не выдавал никаких опасений в отношении незнакомца. — Откуда вы прибыли, юноша? — Я пришёл с Великих озёр, что бы в момент, когда кровь макуаса прольётся на земли принадлежавшие мне и моему племени, воткнуть томагавк в спину вождю ирокезов, — выразил Науэль, довольно сносно говоря по-французски, и вытащив завернутый томагавк ирокеза, швырнул его на стол, где лежала карта. Генерал осторожно развернул свёрток, и могикиане, присутствовавшие там, издали монотонное, но удивлённое «Ууух». — Томагавк минга! Собака, ты можешь обмануть белого, но ты не можешь обмануть могикианина. Это томагавк минга. Тебя послали ирокезы, но вы слишком глупы, думая, что обманите могикиан, переодев тебя, но вы забыли спрятать нутро воина — его оружие! — эти слова, произнесённые ленапом, заставили всех присутствующих там могикиан разразиться презрительными и насмешливыми возгласами. — Да, это томагавк минга. Но честный и храбрый гурон вытащил его из спины матери, когда его деревня полыхала в огне. Белые люди сильны, у них есть оружие, они способны одолеть макуасов. Я не слишком уважаю могикиан, но ирокезов я презираю больше. Острое лезвие должно отплатить своему хозяину за его выбор, а мой кинжал — снять скальп с головы вождя Аскуна, — произнес Науэль на делаварском наречии, что могикиане не могли не понять. — Аскун? Он сжёг твою деревню? — всё на том же языке продолжали свою беседу индейцы. — Да. Он убил, отца, мать, брата, сестру Ягуара, а ему удалось выжить. Ягуар остался один, и долго жаждал крови минга. И поэтому я пришёл к бледнолицым, чтобы быть в центре, и издать победный клич, и вернуть честь своему народу, что бы они смогли вернуться на безжалостно отобранные у них земли, принадлежащие им по праву крови. Могикианин перевёл французу всё, о чём он говорил с гуроном, и вынес вердикт. — Что ж гурон, ты держишь достойный путь, и по сему, наш бледнолицый друг, генерал Шароль, разрешает тебе остаться и биться против ирокезов бок о бок с могикианами. По сердцу Науэля пробежала лёгкая волна удовлетворения. За последние несколько минут он выразил столько эмоций, и пережил столько боли от воспоминаний, не смотря на то что до сих пор он не давал волю своему сердцу так открыто. Тяжесть от ноши,

которую он возложил на себя за эти десять лет, казалось приобретает новую окраску, и она уже не гнёт спину, а воодушевляет идти всё дальше и дальше. В этот момент Ягуар почувствовал сладкое приближение долгожданной мести. Когда он вышел из палатки, кокой-то молодой могиканин предложил ему устроиться в одной из хижин, которые занимали индейцы. Наступил вечер, и индейцы, отделившись от белых, развели костёр и расселись вокруг него, обсуждая планы бледнолицых. Тут могиканин, повернувшись к гурону, спросил- Тебя зовут Ягуар? —Да. Ирокезам я известен как Энкудэбэу. Я не раз встречал их на пути сюда. -Ты храбрый воин, расскажи свою историю своим братьям по оружию. Науэль начал рассказывать о своих путешествиях, о стычках с мингами, против которых он воевал с разными племенами, об опасностях, что встречались ему на пути к французам. Он охотно отвечал на вопросы, делился своими приобретёнными в ходе своей странствующей жизни знаниями. Пришла ночь, и в скором времени весь лагерь погрузился в сон, предвкушая приближающийся победный бой.

Глава IV

На восточном берегу, где расположилась часть племени онейда, этой ночью не было так спокойно, как на противоположном. Хотя и между враждующими сторонами было пару сотен километров по воде, и почти в 2 раза больше через лес, ирокезы не чувствовали себя в безопасности. В отряде Аскуна было около 300 воинов, среди которых 6—7 скво. Одной из них была Мимитех- дочь вождя. Остальные женщины, а так же старики, оставались на берегах Онтарио. Когда ирокезы разбивались на группы, что бы занять оборонительные позиции на берегах Великих озёр, в отряд Аскуна попросилась его дочь, убедив отца, что её знания помогут лечить раненых людей. Когда Мимитех была маленькой, она много времени проводила с племенным шаманом, у которого научилась различать лекарственные травы от ядовитых, он показывал ей обряды очищения духа, подготовки к войне, и даже похоронные обряды. С частыми встречами с европейцами к ней пришли умения перевязывать раны, залечивать переломы, зашивать повреждения, а так же она научилась говорить, весьма сносно, на французском языке, и могла не много понимать английскую речь. Она была юной, ей было не больше 17, но она была достаточно мудрой девушкой. По мимо непоколебимой рассудительности, природа наградила её необычайным обаянием и красотой. Её маленький рост и худощавое тело делали её очень проворной. Она носила собственноручно расшитое бисером платье, больше напоминавшее сарафан с длинными тонкими лямками, белую расшитую рубаху под ним, и накидку из кожи, которую чаще надевала в холодные времена. На голове она всегда заплетала 2 косы, в которые были вплетены лоскуты белой ткани. Вокруг головы красовалась разноцветная лента из бисера, на шее висело объёмное, но лёгкое ожерелье из перьев, а в ушах- серьги из серебра, украшенные перьями птенцов орла, что было редкость – у индейцев прокалывание ушей было отличительной чертой больше мужчин, нежели женщин. Эти украшения ей подарила девушка Джудит, приезжавшая в эту часть Америки, чтобы учить индейских детей грамоте, но её целеустремлённость и резвость не слишком нравились мингам, и ей пришлось покинуть селения ирокезов. Она перебралась в восточную Канаду обучать детей дальше, оставив маленькой Мимитех на память самодельные безделушки, которые, кстати, подчёркивали красоту молодой ирокезки и добавляли ей загадочности и привлекательности. Она часто разговаривала с отцом о будущих делах, чем была занята и в эту ночь. -Я вижу, как в лагере не спокойно. Ты расставил воинов, что бы следить за лесом, глаза ирокеза никогда не подведут его, ты можешь быть спокоен. —Это дело не женщин, а мужчин. Но ты права, ирокезы – самые храбрые и самые зоркие воины, наш слух расслышит писк комара во вражеском лагере, а наш нос учует дым их костра. Ничего не нарушало их разговора. Они сидели у небольшого костра, и к ним присоединился Энэпей. —Отэктэй так жаждет крови, что готов выступать хоть сейчас. В его замыслах есть смысл, но не думаю, что нужно так горячо следовать за неутомимым сердцем. Что скажешь, отец? – Отэктэй – храбрый воин и он старше тебя, думаю он справится с кратковременными порывами его пылкого сердца. Но, быть может, он хочет кому-то доказать свою храбрость и мудрость? -засмеялся Аскун, и перевёл взгляд на Мимитех. —Он слишком алчен, отец. А его жестокость преобладает над храбростью. Такой воин не сможет завоевать сердце девушки, которая умеет мечтать и верит, что мы можем жить в мире с другими племенами. Нет. —Ты права, Новая Луна, и если ты не согласна стать его женщиной, я буду отстаивать твою честь, и приму как родного брата того, кто будет люб твоemu сердцу. – Даже если это будет могианин? – расхохоталась девушка, поднимаясь с колен. – Могикиане – трусливое племя. Там не осталось достойных воинов, а после того, как мы разобьём их жалкий отряд, остатки этого племени, подобно их братьям делаварам, облачатся в юбки, и не останется никого, кто смог бы посягнуть на теплоту и преданность твоего бесстрашного сердца. Выслушав слова брата, Мимитех опечаленная, побрела в хижину, чтобы подготовить постели для отца и брата,

и вскоре после недолгих приготовлений, ушла в свою хижину, где расположились все женщины, прибывшие вместе с отрядом воинов. —Твой жених опечалил меня своей глупостью, Ватанэй, а его безосновательная ненависть ко всем индейцам, кроме ирокезов, еще больше раззадорила мою печаль, -обратилась она к девушке, которая, готовясь ко сну, расчёсывала свои длинные шелковистые густые волосы. — Это дело мужчин-разбираться в индейцах, кто храбр, так же как ирокезы, а кто сбегает в горы и прячется в пещерах при первом шорохе сухих листьев, не пытаясь узнать причину волнения мёртвой листвы. Не нам судить Энэпея, и уж тем более обвинять его в глупости. -Но ты тоже воин, Ватанэй, ты сражаешься наравне с мужчинами, никто не уйдёт от выпущенной тобой стрелы. -Да, когда бледнолицые принесли в наши края свои ружья, цена лука как оружия стала слишком низкой. -Но выстрелы ружей делают много шума, а твоя стрела летит беззвучно, как звезда, сорвавшаяся с небосклона. И взять вторую стрелу гораздо быстрее, чем перезарядить ружье. -Да, но ловкий и проворный индеец, ожидающий стрелу, сможет перехватить её на лету, чего не сделаешь с пулей. Девушки поговорили еще не много об оружии и о военных действиях, о том, как важно иметь твёрдую руку и сердце, и вскоре легли спать. Когда солнце только начало вставать и выходить из озёрной глади, направляя свои лучи на макушки деревьев, слегка колыхавшихся от легкого и тёплого осеннего ветра, могикане уже были на ногах, в отличие от своих белых союзников. Индейцы что-то оживлённо обсуждали, всё время поглядывая на палатку где спал Науэль. Через несколько мгновений они заметили высокую и стройную, могучую фигуру индейца, несшего на себе оленёнка. По началу могикане насторожились, но когда фигура приблизилась, они узнали Науэля и издали удивлённое «Уууух!». —Брат мой, мы не спим давно, а ты уже успел сходить на охоту! Ты бы спокойно прошмыгнул во вражеский стан, с такой-то проворностью! Науэль ничего не ответил, а лишь доброжелательно улыбнулся на слова могиканина и предложил расправиться с его добычей сообща. Молодые ленапы отнесли оленя на, так называемую, кухню, где белые готовили завтрак для всего отряда. —Что сильным индейцам твоя жиж, готовь это, бледнолицый! -проговорил молодой могиканин и швырнул оленя под ноги французу. Повар очень удивился, увидев целую тушу оленя, но без всяких вопросов принялся разделывать её. Могиканами, присоединившимися к французам, руководил опытный воин Шикоба, что по-делаварски значило Перо. Он долго смотрел на Науэля, и, с нетерпением и торопливостью, сказал, — Ты действительно очень проворный. Сегодня, как только солнце поднимется над лесом, мы выдвинемся в разведку. Мы собираемся проплыть по озеру несколько километров и сойти на южном берегу, а пробравшись через лес, приблизиться к нашим врагам, что бы осмотреть их лагерь, численность, оснащение. Ты с нами? -Я с вами, — ответил Науэль, подумав минуту-две. -А бледнолицые? -Они тоже идут. Храбрый Арно идёт с нами. Через час-полтора молодой французский воин протрубил в рожок, призывая всех к подъёму, чем вызвал со стороны могикан скрытые тихие подсмеивания. Сытный завтрак был готов и индейцы принялись за трапезу в своей части лагеря, а белые — в своей. Они ели в разных сторонах не потому что кто-то из сторон брезгливо или не доверительно относился к другой, а потому, что каждый народ привык к своим традициям и не хотел подражать другому. Науэль закончил раньше всех и ушёл приготавливать своё оружие. Когда все уже были готовы, мужчины, белые и индейцы, идя бок о бок, ведомые одной целью, отправились в путь. Оставим воинов в их долгом пути, и вернёмся на восточный берег озера Гурон. Ночь там прошла абсолютно спокойно и ничего не потревожило спокойный, но чуткий сон вождя и его сына, и сладкий мечтательный кроткий сон Мимитех. Аскун встал раньше остальных и, так как утро было прохладное, а осенний ветер с озера дул временами сильными порыва, он разжёг не большой костерок и уселся подле него. Он сидел наедине с собой, полностью погрузившись в свои раздумья, какие-то мысли заставили его улыбнуться, а какие-то опечалиться. —Нет, это не пройдёт, -покачив головой сказал он после долгих раздумий. —Тебя что-то тревожит, отец, я вижу, не стоит отрицать, -промямлила Мимитех сонным голосом, и уселась рядом с отцом. — Если ты в чём-то сомне-

ваешься, непременно сделай это, и ты скорее поймёшь, нужно это было, или нет. —Девочка, в тебе красота матери и мудрость вождя. Иногда мне кажется, что ты поведёшь племя после меня. — Но я не воин. Ватанэй воин, она сможет вести народ, если ты сомневаешься в Энэпее. — Я уверен, что он станет великим вождём. У него хорошая кровь, все его предки были победоносными вождями. У костра воцарилось молчание. И отец, и дочь погрузились в свои мысли. Солнце выглянуло из-за горизонта и уже кидало своё пёстрое отражение на водную неспокойную гладь. Этот день прошёл тихо и спокойно, ирокезы не предпринимали никаких действий, и от врагов не было слышно ни одного вторжения. Это насторожило Отэктэя. Он был хладнокровным воином, хотя и жаждал доказать, что он храбрейший индеец из всех ныне живущих, но иногда он действовал так пылко, что эмоции брали верх над разумом, что заканчивалось, обычно, разоблачением всех его планов. Он был явно заинтересован Мимитех, и так как она была с ним в одном лагере в это время, он считал это подходящим моментом, чтобы покрасоваться и похвалиться перед девушкой. Она это прекрасно понимала, но всячески игнорировала его грубые, и где-то даже смешные, намерения. Хотя Отэктэй и был немного самовлюблённым и имел слегка завышенную самооценку, он всё-таки был опытным и проверенным бойцом, а вождь ему доверялся, как своей правой руке. К таким воинам относился и Энэпей, и его друг Окэмэн, что по-ирокезски означало Дикий Кондор, и Ватанэй, будущая жена Энэпея, которая многим могиканам была известна как Найра-Большие Глаза, так как она превосходно владела луком, даже лучше многих мужчин, причастных к этому делу. Вечером следующего дня ирокезами была предпринята небольшая кампания, которой руководил Отэктэй. Его бдительное чутьё предостерегало его, и он, взяв с собой еще с десятков воинов, решил обследовать лес. К тому времени могикане, а их было человек 8, в компании 4 французов и одного гурона достигли юго-восточной части леса, окружавшего Гурон. Они намеревались поставить свой лагерь километрах в 4 от становища ирокезов, и ночью, приготовившись к небольшому отдыху, развели костерок, на котором собирались приготовить свой ужин из пойманной Науэлем дичи. Французы отказались ужинать, посетовав на усталость, и быстро приготовившись ко сну, начали потихоньку задремывать. Отэктэй и его соратники несколько часов бродили среди леса, и по велению судьбы, или так подсказало ему чутьё, они решили пройти мимо отвесной скалы, возвышающейся над речушкой. Местность была холмистая, если не сказать скалистая, и речка в некоторых участках водопадом катилась вниз, точа под собой вековые камни. Водоём был узкий и не глубокий, а течение слабое, его можно было спокойно перейти, хотя в это время года вода была уже достаточно холодной, но это не было препятствием для опытных воинов. Перейдя через реку, ирокезы стали присматриваться к еле заметным в темноте очертаниям деревьев. —Там! Костёр! Могикане, —шёпотом прокричал Окэмэн, и взгляд всего маленького отряда устремился в глубь леса, где мерцал маленький огонёк. Схватившись за ружья и томагавки, они, совсем бесшумно, начали продвигаться навстречу огню. Пройдя метров 600, они остановились чтобы разглядеть численность отряда, но у огня сидел только один человек. Они подошли близко к лагерю, и свет от костра освещал достаточно много пространства, и зоркий глаз ирокеза без труда разглядел ещё как минимум дюжину спящих солдат. Человек у костра сидел спокойно, и непринуждённо смотрел на пылающий огонь.казалось, он погружён в свои думы, и не заметил, если бы минг прошёл у него за спиной. Отэктэй разделил свой отряд на две группы, и они медленно пробирались к врагам, минуя освещённые участки, старались оставаться в тени. Если бы у огня сидел старик, или ребёнок, возможно у ирокезов получилось бы бесшумно перерезать горло могиканам. Когда один из макуасов оказался в 5—6 шагах от костра, но позади человека, сидящего у огня, гробовая тишина вдруг нарушилась. —Я вижу тебя, минг. Ты держишь в руках ружьё. Я же — безоружен. Будь честен. В этот миг ирокез вышел из тени, и встал против своего врага. —Запомни моё лицо, могиканин. Это будет последнее лицо, которое ты увидишь в своей жалкой жизни. Пылающий огонь ясно озарял их грозные лица, выдававшие враждебную настроенность. Но человек оставался

сидеть не подвижно, его непоколебимость привела минга в бешенство, и он уже навёл ствол ружья на врага, но не успел он выстрелить, как ударом ноги его противник выбил оружие из его рук, быстро подхватил ружьё, и вскочив на ноги, ударил прикладом своего оппонента. Из леса прогремел первый выстрел, но наш храбрец, будто предугадывал события, быстро сгруппировался, и сделав пару движений, оказался за высохшим поваленным деревом, где свет костра его не захватывал. В этот момент весь лагерь проснулся и мужчины схватились за ружья. Началась перестрелка. Одного минга зацепило пулей, и двум другим пришлось отступить, что бы позаботиться о раненом товарище. Двое могикан подкрались к истекающему кровью ирокезу и его двум друзьям, что бы заполучить скальпы, но враги оказались не так глупы и вступили в рукопашную с врагом. Один повалил другого на землю и они катались по земле, барахтались, поочерёдно выходя в лидеры боя, но вмиг, мощная рука ирокеза схватила врага за часть волос, и уверенным движением кинжалом распорола могиканину горло. Вторая пара бойцов дралась руками, но недавно одержавший победу поспешил соплеменнику на помощь и всё тот же кинжал вонзился в грудь осwirепевшего ленапа. У огня драка проходила намного живее, там участвовало больше бойцов, и белые, уверенно державшие ружья в руках, подстрелили ещё одного минга, в то время как Отэктэй, метнув свой томагавк, ранил молодого офицера в ногу. —Отступаем! Бегите в лес! -прокричал человек, что недавно так спокойно сидел у огня. — Да, беги делавар, возвращайся в своё жалкое бабье племя, готовь своё праздничное платье! -выразил Энэпей, чем вызвал несказанный смех у своих братьев. Тут человек, убедившись, что его попутчики, те кто выжил, совершили удачное отступление, вышел к костру. —Я не могиканин. Я гурон! – с честью и достоинством произнёс юноша, вкладывая в слова всю свою силу и волю. —Гурон, что бьётся за могикан? Это ещё ниже, чем если бы ты надел юбку! —Ирокез, оставивший в живых мелкий отряд, состоявший наполовину из белых, и не пустившийся в преследование врагов, ты считаешь себя выше гурона, который спасает своих братьев по оружию? -Заткнись гурон. Ты идёшь с нами. Ирокез хотел продолжить, но его прервал ноющий вопль, раздавшийся из кустов. Отэктэй жестом приказал Энэпею разузнать в чём дело. —Жалкий гурон, сегодня придёт час твоей смерти, твой скальп украсит мой пояс. После этих слов Отэктэй связал Науэлю руки, взял конец веревки, и последовал за своим другом, к месту, где лежал раненый белый. Они связали двух пленников вместе и потащили с собой. В это время побитый и обескровленный отряд, точнее то что от него осталось, поспешил вернуться в лагерь французов.

Глава V

К вечеру следующего дня Отэктэй и его отряд были уже в своей деревне. Пленников они привязали к столбу, а сами, оставив одного человека за ними наблюдать, направились к костру, который женщины развели уже давно, ожидая победоносного прихода своих воинов. Мужчины собрались в центральной типи, в котором жил Аскун и его сын, Мимитех жила с остальными женщинами в другой хижине, но в этот вечер она была у отца и они ждали скорого прихода Энэпей вместе. Когда в хижину вошёл отряд только что прибывших воинов, Мимитех горячо обняла брата, поинтересовалась здоровьем Окэмэна и жестом в сторону Отэктэя сообщила что рада видеть его живым и здоровым. Потом, оставив мужчин, которым было необходимо обговорить все подробности встречи с врагами и решить, как действовать дальше, она присоединилась к женщинам, которые помогали раненым бойцам. Когда они закончили процедуры, Мимитех направилась в сторону столба, где были привязаны пленные. В это время, закончив все обсуждения, Энэпей вышел из овачиры. —Стой! Эта белая собака не достойна, чтобы твои руки залечивали ему раны. —Но он истекает кровью, и умрёт ещё до рассвета, если ему не помочь. Тогда вы не узнаете от него того, чего хотите. —Всё равно. У нас есть гурон! Посмотри, на нём ни царапины, он точно доживёт до утра, если вождь не снимет с него скальп раньше. —Гурон, воюющий за одно с могиканами? —Да, сестра, и это не делает ему чести. —У него свои причины, что бы так поступать, он тоже воин, и если выстоял в схватке с вами – он сильный воин. —Если бы он был сильным воином, мы бы не вернулись сегодня домой. Но ты правильно мыслишь, ни один индеец не сравниться с ирокезом. Они еще немного о чём-то поговорили с сестрой и Энэпей направился к костру, где давно сидели его товарищи, и принялся за ужин, который охотно поглощал после утомительного и нелегкого путешествия. Мимитех же принялась за раненого. Она оторвала окровавленную штанину на ноге француза, промыла рану, и начала зашивать её, от чего бледнолицый жутко, но тихо, стонал. Она обработала шов какими-то мазями и приложила травы. Пока она перевязывала ногу, молодой человек оклемался, и дрожащим голосом заговорил. —Ваши руки, мадемуазель, заставляют забыть меня о всякой боли. Спасибо вам за вашу доброту, благодаря вам, я проживу немного дольше того, что отвела мне судьба. Вы, верно, не понимаете меня, но всё же я должен был выразить вам свою искреннюю благодарность. —Отчего же я не понимаю вас? То, что я краснокожая, не значит, что я никогда не встречалась с белыми людьми. —О, слава Господи, вы понимаете меня! И хвала Всевышнему, вы не настроены так враждебно, как мужчины вашего племени, и я могу поговорить с кем-то, в этот предсмертный час. —Вас не убьют до рассвета, и этой ночью вы ещё будете дышать так же спокойно, как если бы вы прилегли отдохнуть среди поля нежнейшей травы, во время охоты на куропаток. —Нет, милая девушка, зная, что я больше не увижу ваших искрящихся и великодушных глаз, даже если я выживу, я уже не смогу чувствовать что-то прекрасное, что-то, что прекраснее чем ваши глаза и руки. И никакие полевые травы и озёрные глади не возбудят больше мою больную и омертвевшую без вашей теплоты душу. Обеспокоенная такой откровенностью и душевной лестью, и почувствовав, как румянец ударил ей в щёки, она не знала что ответить, а лишь опустила глаза, и через мгновение перевела свой взгляд на Науэля, что бы посмотреть, в порядке ли он. Всё это время он не обронил ни звука и не издал ни единого шороха, будто его тут и не было, или будто он был мёртв. Но его горящие глаза встретились с глазами ирокезки, от чего она издала удивлённый, но в то же время полный страха, совсем тихий возглас. —Юная ирокезка, ты слишком добрая. Я желаю тебе не быть такой же глупой, как ваши мужчины. —Наши мужчины храбрые и мудрые, и ты узнаешь это сегодня ночью. С этими словами она покинула пленников и присоединилась к уже отдохавшему брату. —А что вы будете делать с белым? Я перевязала его ногу. Он силен духом и справится с этой болью. —Я отсюда слышал его вопль, и если мы начнём расспрашивать

его, боюсь он отдаст свою душу прежде чем мы его коснёмся. Он труслив и беспомощен. — Не говори так! Он обессилен от тяжёлой раны, которую получил в бою... -В бою? Он трусливо прятался в кустах, когда томагавк ирокеза настиг его. —Но ирокез промахнулся. —Или хотел промахнуться. Не забывай дочь, это бледнолицый. Белые мужчины для индейских девушек как фарфоровая кукла, которыми богаты дома людей за большими водами. А для белых мужчин краснокожая девушка как кроткая лань, которая бессильна перед оружием воина, и которую он обязательно попытается забрать с собой как трофей, -спокойно и тихо, но с такой глубокой звукой, произнёс подошедший внезапно и резко, как змея, вождь Аскун. Кровь прихлынула к лицу Мимитех и её лицо снова залилось румянцем. Отец заметил это, и когда девушка встала, чтобы удалиться в свою хижину, не стал её останавливать. Когда луна уже поднялась над вигвамами ирокезов, две женщины сидели у костра и следили за огнем, чтобы он не разгорался сильно и не потухал. Мужчины же, недалеко от костра, готовили место для какого-то обряда. Двое рослых и мощных мингов вкапывали столб посреди круга, образованного нарытым песком. Потом они отправили куда-то женщин, а сами направились в сторону пленников. Француз в это время спал, и казалось, его сон ничто уже не нарушит, и его можно было бы убить прямо во сне, что бы не создавать лишнего шума, но идущих мужчин интересовал не он. Они отвязали Науэля, который сидел не сомкнув глаз, наблюдая за процессами приготовления. Он знал куда его поведут -отдать свою жизнь ножу ирокеза, даже не пытаясь бороться, не говоря уж о том, чтобы попытаться отомстить. Но это не входило в его планы. Теперь его привязали к другому столбу за руки, но ноги у него оставались в движении, и он находился в центре песчаного круга, под угнетающими взглядами ирокезов. Он осмотрел весь круг и не увидел женщин, кроме одной, крадущейся в тени, позади всех карателей. Далее, минут 20—30, длилась совсем неинтересная тирада вождя, как обычно это бывает в таких случаях, как этот. Он рассказывал о подвигах его праотцов, о победах ирокезов, чем воодушевлял всех. Вспоминал, как погибали brave воины, чем вызывал жалость и опечаленные «Ууух» у своих соплеменников, и закончил он рассказами о врагах, в частности о гулонах, от рук которых погибло много ирокезов – их братьев и друзей, чем вызвал свирепые вопли, отвечавшие эхом в лесу и над озером, и озлобленные взгляды, направленные на Науэля. —Отвечай гурон, сколько вас и где бледнолицые и могикане расположили свой лагерь? Науэль не произнёс ни слова, он только смотрел куда-то в сторону, в темноту. Тогда Отэктэй ударил его кулаком по лицу, и кажется вложил в этот удар всю свою мощь и силу, но Науэль продолжать молчать и был неподвижен, как камень. Тогда Отэктэй нанёс ему еще один удар, только с другой стороны, и кровь стала капать из носа и струиться по обнаженной груди молодого гулона. —Трусливый минг может требовать слова только кулаками против безоружного. После его слов Отэктэй рассвирепел ещё больше, и чуть было не набросился на парня с кинжалом, но вождь его остановил. —Гурон может умереть сегодня ночью, среди победивших его врагов, и остаться трусливой собакой, держащейся за юбки могикан, или принять смерть, прославив храбрым и честным воином среди его врагов. Отвечай гурон, какую смерть ты выбираешь. —Пусть она за меня ответит, – и он кивнул в сторону, где казалось, была лишь темнота, но острое зрение ирокезов заметило небольшую и хрупкую фигуру, стоявшую за деревом, метрах в пяти от песчаного круга, где должна была произойти кровавая кончина гулона. Круг мужчин расступился, и небольшой отблеск костра долетел до прятавшегося там небольшого человека. —Новая Луна! – вскрикнул Аскун, а Отэктэй, поражённый проворностью маленькой Мимитех, и тем, что она незаметно проскользнула мимо всего отряда, и долго и неподвижно стояла неподалёку, подался чуть вперёд, прокручивая в голове, что бы было с бедной девушкой, если бы она увидела, что задуманные им планы в отношении гулона осуществляются, и как бы потом смотрела на него эта, мечтательная и кроткая девушка, грезившая о мире во всём мире. Для Науэля это был подходящий момент, потому что, подавшись вперёд Отэктэй оказался в метре от гулона, и охваченный неожиданной резвостью девушки, что была так мила его сердцу и душе, больше заботился о том, что бы девушку отвели обратно

в типи. Тогда Науэль выбил ногой кинжал из рук ирокеза и виртуозно перебросил его себе за спину, в одно мгновение перерезав верёвку на руках. Опомнившийся от грузных раздумий Отэктэй с выпученными глазами смотрел на вскочившего на ноги истекающего кровью гурона. Весь отряд издал удивлённое и одобрительное «Уууух», означавшее, что они были поражены проворностью и смелостью врага, и в то же время, не знали, что предпринимать дальше, не знали, как поведёт себя гурон, державший в руке острое лезвие, предназначавшееся для его скальпа. В миг, он набросился на макуаса и нанёс ему несколько ударов. Потом подошли несколько мингов и попытались побороться с проворным юношей, который заслуженно получил себе имя Ягуар. Он с такой непоколебимой мощностью и силой расправился с тремя мингами, что весь отряд стоял, поражённый непредсказуемостью и прыткостью врага. Тогда почти половина отряда начала нападать на Ягуара, образовав так называемую свалку, из которой Науэль вырвался с необычайным успехом. Вскочив на спину согнувшегося в ходе драки минга, он огромным прыжком, оттолкнувшись от державшей его спины, нырнул в темноту лесной чащи, до которой не доходил уже почти погасший огонь костра. Шесть или семь ирокезов рванули за ним, а остальные поднимались с песка, на котором еще не успела высохнуть кровь так недавно сидевшего тут беспомощного гурона. Вождь жестом приказал нескольким мужчинам встрепенуть и оживить огонь, а остальным предложил собраться в своей хижине. Уверая, что через несколько часов гурон снова будет у них в деревне, полагаясь на проворность и силу его соплеменников, отправившихся в погоню за врагом, Аскун успокоил своих воинов, и предложил пока ничего не предпринимать. Несколько минут Энэпей провёл среди товарищей, а потом покинул их, что бы вызвать сестру на разговор. Он подошёл к её жилищу и издал звук, похожий на шипенье змеи, которым всегда в детстве выуживал свою сестру на прогулку. Мимитех вышла. —Я не хотела, что бы вы сделали это сегодня ночью, — взволнованно пробормотала девушка. —Зачем ты вышла из типи, когда всем женщинам было приказано готовиться ко сну? —произнёс брат, едва сдерживая свою злость и раздражённость. Ничего не сказав, он указала рукой на небо, где сиял красновато-желтый круг луны. В первые Мимитех заметила такую луну четыре года назад, в день, когда умерла их с Энэпеем мать. И с того дня они решили, что в деревне, в день, когда на небе зияет душа жены вождя, не прольётся ни единой капли крови, и они все будут вспоминать её учения. Мать Мимитех была, как бы мы, христиане назвали её, пророком, или что-то типа того. Все считали, что Великий Маниту разговаривает с людьми через неё, и что через неё он передаёт все наставления своим детям. Эту женщину почитали во всех племенах, она являла собой мир, и иногда индейцы, даже из вражеских племён заходили в поселение ирокезов, чтобы спросить совета у всевидящего и всемогущего Маниту, который говорил устами прекрасной и мудрой женщины. У неё спрашивали совета как назвать ребёнка, она давала, разрешение, если нельзя сказать благословение, на брак молодым людям, она отправляла погибших в бою или умерших от старости индейцев в последний путь, и ни один обряд, будь то похороны, или свадьба, не обходился без неё. Её уважали, почитали и любили. Она заболела какой-то страшной болезнью, которая выжала из неё все силы буквально за несколько недель, и как бы за её жизнь ни боролись многие шаманы и врачеватели, она вскоре приняла свою участь, ясно дав всем понять, что так хочет Маниту и все должны подчиниться его воле. На самом деле такая медно-красная луна означала лишь лунное затмение, но индейцы того времени верили в сверхъестественные силы, и для них такие предзнаменования являлись своеобразной непоколебимой святыней. Энэпей отвёл взгляд от неба и направился в хижину, где сидел его отец и остальные воины, обсуждавшие последние события. Он нарушил спокойную обстановку, что-то тихо сказал отцу, и тот известил всем, что Великий Маниту сегодня был на стороне гурона, и этой ночью больше не прольётся ни единой капли крови, а когда враг будет доставлен, ему предстоит провести ночь под строгим присмотром нескольких воинов. Но пока в деревне происходили эти весьма спокойные события, в лесу разыгралась настоящая драма. Убегавший от преследователей Ягуар, встретил своих врагов

в нескольких километрах от деревни ирокезов. При них не было оружия, так как они рассчитывали взять гулона численностью. У Науэля же был кинжал, который он завоевал своей хитростью и необычайной проворностью. Ночь была достаточно тёмной из-за луны, которая окрасилась в красный цвет, и враги не сразу обнаружили друг друга. Но так как ирокезов было больше, они создавали шум, который уловил острый слух гулона. Он спрятался за деревом, и подстерегая бежавших мингов, стал прислушиваться. Ирокезы сбавили ход, и уже шли пешком, догадываясь что враг неподалёку. Они уже были в 2—3 метрах от Ягуара, и он только ждал, когда отряд пройдёт немного вперёд. Пройдя мимо дерева, за которым стоял Науэль, они не заметили ни малейшего повода для волнения. Ягуар бесшумными шагами подобрался к ним со спины и одним резким ловким движением перерезал мингу горло, после чего последний издал краткосрочный вопль, полный безнадёжности. С несколькими ирокезами он вступил в рукопашную, в которой одержал небольшую победу расшвыряв их в разные стороны. Пока они лежали, оглушённые ударом, Ягуар расправился с остальными. Встав на ноги, двое обескураженных бойцов двинулись в атаку, но провели её неудачно и потерпели ужасное поражение. Лишь одному мингу удалось спастись, и он, охваченный ужасом, ринулся в обратный путь. Науэль осторожно прислушался, но ничего кроме убегающих ног макуаса не услышал. Все остальные тела лежали без движения и без признаков жизни. Тогда он перевёл дух, расправился с вражескими скальпами, и двинулся в спасительный путь. Миновав струящийся поток воды, вброд который переходили минги, он добрался до своего бывшего лагеря, и отыскал прятанный им томагавк. Теперь в его арсенале было два оружия, оба принадлежавшие ирокезам.

Глава VI

Через сутки после своего триумфального спасения, Науэль был уже во французском лагере. Пройдя пост охраны, где его пропустили, выразив необычайное уважение и удивление, он зашёл в палатку генерала Шароля, с 6 скальпами в руках, которые он бросил на стол перед генералом, так же как в первую встречу бросил томагавк. — Невообразимо, друг мой! Вам удалось вырваться из плена? — Молодой бледнолицый там. Гурон думает, скоро солдат вернётся к друзьям с гораздо ценной добычей, чем эта. Ошеломлённые могикане, взглянувшие на трофеи Ягуара, издали оглушающий победный вопль, и стали расспрашивать его о подробностях последних произошедших событий, но Науэль, дав короткие и выразительные ответы, дал понять всем, что устал, и хочет побыть один. Молодой могиканин, что провожал его в хижину в первый раз, вызвался помочь герою, и принёс ему в жилище еду и воду. Он с таким воодушевлением смотрел на гурона, будто они всегда были из одного народа, а Науэль – вождём этого племени. Вскоре героизм Ягуара позабылся, и генерал вызвал его на разговор о молодом офицере. Науэль рассказал подробности и объяснил положение дел так, как ему это позволял его французский. Солдаты и индейцы принялись разрабатывать новый план для захвата ирокезов. Тем временем, на рассвете, в деревне ирокезов произошла страшная трагедия. Прибежавшего ночью минга, ждала кровавая расправа, и Отэктэй, со всей хладнокровностью, после детального разбора действий и побуждений, которые заставили юношу сбежать с поля боя, решил дело весьма предсказуемо-отрубил молодому мингу голову и повесил её на кол, в доказательство того, что ирокезы презирают трусость, и трусливому индейцу не место в жилищах ирокезов. Хотя вождь и посчитал этот демонстративный поступок Отэктэя слишком жестоким, ведь по обычаю трусу, который бежал от врага в страхе, просто вспаривали живот или перерезали горло, он не стал спорить со своим верным другом, зная, что очень тяжело обуздать его жажду крови, тем более когда он находился в таком положении, что враг оказался хитрее и сильнее его. К вечеру волнение улеглось. В деревне, но не в душах и мыслях ирокезов. Теперь они были озадачены тем, что в стане врагов есть какой-то очень хитрый и проворный гурон, который смог вырваться из плена. Почти все мужчины собрались в вигваме вождя, где детально прорабатывали планы по уничтожению коалиции, направленной против них. В это время Мимитех сидела у огня, но встревоженный голос окликнул её. — Милая девушка, не могли бы вы составить мне компанию в этот прекрасный вечер, когда небо озарено такой громадной и холодной луной. Девушка подошла к французу и села подле него, захватив с собой какой-то горячий напиток. Юноша смотрел на чашку с жидкостью такими большими и слабыми глазами, которые говорили о его жажде и о том как он продрог этой прохладной осенней ночью, что Мимитех не выдержала, и попробовала напоить юношу. Сделав пару глотков он выдохнул с таким облегчением, будто весь день охотился на бизона и наконец принёс его огромную неповоротливую тушу в свой вигвам. — Вы спасли мне жизнь, прекрасная мадемуазель. Это настоящее целебное зелье, напоминающее цветочный чай, который я так любил пить у бабушки за городом. О, моя бедная бабушка, я так любил её! И дедушку, с которым я так часто в детстве ходил на рыбалку. Теперь, я наверняка их не увижу, — с горем и отчаянием, тихонько простонал юноша. — Молодой офицер, так же как ирокезы, уважает своих предков. Это достойно чести. Но что это, бледнолицый совсем продрог, — с ужасом выразила девушка, — я принесу тебе тёплых шкур, что бы ты согрелся. Мимитех раздобыла огромную меховую накидку и укрыла ею раненого солдата. — Ничто не согреет меня так, как ваша доброта и забота. А ваши глаза? Да я готов вечно утопать в них, жаль, только, что ваши ирокезские мужчины стоят у меня на пути, и эти путы, — уверенно, но нежно проговорил юноша, и они вместе тихонько и искренне засмеялись, — Но постойте-ка! Я же не знаю вашего имени, а принялся раздавать комплименты. Прошу простить меня за бестактность. Я Андре Арно. Я бы протянул вам руку, но увы, эти

адские оковы сковывают все мои желания и побуждения. — Я Мимитех, и я прощаю вам то, что вы назвали сложным для меня словом, — и они снова добродушно рассмеялись. — Мимитех значит Новая Луна, — сказала девушка, пронзив своим нежным голосом недолго стоявшую тишину. — У вас прекрасное имя. Вы так же очаровательны и нежны, как лунный свет, что озаряет путь, когда воин идёт в ночи. Но мне кажется, отныне для меня путеводителем будет не лунный свет, а ваш. Девушка, прежде не слыхавшая таких задушевных и ласковых слов, тут же впала в нерешительность, её лицо снова залилось румянцем, а дыхание участилось и стало неровным. — Я бы хотела развязать ваши путы, и показать вам, на что способен лунный свет, и какие чудеса он создаёт, когда всё вокруг спит. — Так развяжите! — Ах, вы не знаете, что говорите, — задыхаясь вскрикнула смущённая девушка. — Милая, добрая, сердечная Мимитех, в моём лагере ко всем относятся с гостеприимством и доброжелательностью. Вспомните того гурона! Мы приняли его за своего. Ну а невесту солдата там примут как свою сестру! — Невесту? Вы хотите сказать, что хотели бы, чтобы я стала вашей женщиной и хранила тепло вашего вигвама? — Да, да! О, Новая Луна, вы настолько запали мне в душу, что кажется, даже если я не погибну от руки ирокеза, я всё равно обречён. Жизнь без ваших глаз и рук уже не жизнь для меня! — Хотя и вы запали мне в душу, все же, вы слишком много от меня просите. Я ирокезская девушка, и если я сбегу с вами, это будет предательство и трусость. А вот что делают с предателями и трусами, — прошептала Мимитех, и указала на кол, где всё ещё висела голова молодого минга. — Предательство? Это будет спасение, дорогая Новая Луна. Когда мы доберёмся до лагеря, я договорюсь с генералом Шаролем, что бы он выслал посыльного к вам в деревню, с белым флагом, что бы назначить место и час переговоров. Мы решим наш конфликт мирным путём, наш командир и ваш вождь договорятся, как и где нам можно будет охотиться, вот и всё. А если мы останемся здесь, то тот гурон, что сбежал вчера, ведь парни, которые отправились за ним вдогонку так и не вернулись, обязательно передаст все данные о ваших боях нашему генералу, и он уже не будет думать, как уладить конфликт мирно, он просто соберёт всех бойцов, и они целой артиллерией выдвинутся на вашу деревню, и убьют всех! — Вы говорите неправду! Наши мужчины сильные, и их не смогут победить какие-то бледнолицые! — с этими словами, Мимитех, едва сдерживая слёзы, убежала в свою хижину. Её переполняло волнение, она не могла собраться с мыслями. Ватанэй, находившаяся в тот момент с ней в хижине, попыталась узнать, что произвело на девушку такое впечатление, но все попытки оказались тщетны, и вскоре Мимитех покинула хижину и направилась в лес, туда, где её не достанет огонь костра, туда, где она спокойно, наедине с собой, смогла бы обдумать все произошедшие события. В голове у девушки поселились ангел и бес, если можно так выразиться. Она то склонялась к тому, чтобы рассказать о случившемся отцу, то к тому, чтобы убежать вместе с пленником, надеясь на мирное будущее. В её сердце жила надежда, и она даже чуть не ринулась высвободить молодого солдата, но в мгновение страхнула с себя ворох пыли, которую принесли пыльные признания молодого человека. Она чувствовала, что этот юноша нуждается в ней, и ей на миг показалось, что она тоже нуждается в нём. Потом она представила свою жизнь после того, как закончится эта вражда, и как она будет проводить свои дни, если этого милovidного и добродушного юноши не будет рядом. Охваченная порывом чувств, она вернулась в свою хижину и со спокойным видом легла спать. Когда луна зияла во всю свою мощь, костёр стал потихоньку гаснуть, его уже никто не поддерживал, так как почти все мужчины отправились в свои типи чтобы отдохнуть после долгого и весьма шумного совета. За пленником в эту ночь никто не следил, так как все его считали просто ноющим трусом, не способным провернуть хотя бы что-то напоминающее то, что виртуозно проделал гурон прошлой ночью. Как только последние искры костра потеряли свою яркость, к пленнику кто-то подошёл и, закрыв рот ему рукой, чтобы он не закричал от неожиданности, разрезал верёвки, чем освободил несчастного от мучительных пут. — Иди к своему народу и сделай так, как говорил мне. Иди, юный, но мудрый бледнолицый. — Мимитех, я никуда не уйду без тебя. Представь, что с тобой будет, когда

на рассвете воины не обнаружат меня. Твоё чистое и правдивое сердце не заставит молчать и ты выложишь всю правду, и окажешься на том же колу, что тот бедняга. Я не могу этого допустить. Обратного пути нет. Ты идёшь со мной. Поверь мне, моё очаровательное создание. Во французском лагере тебя смогут уберечь от гнева вождя. Но разве должна ты страдать и нести наказание, за то что полюбила бледнолицего. Я ведь не выбирал каким родиться, и ты тоже. Так что же, мы будем заниматься расточительством и позволим новой звезде, родившейся от наших чувств, угаснуть? Молодой человек взял ирокезку за руки и хотел было поцеловать, но что-то его остановило. Девушка стояла в раздумии и нерешительности. —Идём же, прекрасная и мудрая Мимитех! Скоро будет поздно. —Я смогу пройти такой дорогой, что наших следов не найдут. А ты, будешь делать так как я скажу, и сразу прошу прощения за эту грубую вольность. Но ум ирокезки лучше знает куда упадёт глаз ирокеза. Но обещай мне, бледнолицый, что мой народ не тронут, и ваши офицеры придут в мой дом с переговорами. А теперь, нам нужно спешить. Она схватила Андрэ за руку и они скрылись в густой и непроглядной чаще леса. Они бежали всю ночь и следующий день, но предоставим им совершать свой путь самостоятельно, и вернёмся к ирокезам. Когда солнце позолотило маковки лысеющих деревьев, добрая половина мингов уже была на ногах, но так как они с самых ранних минут пробуждения начали снова обсуждать варианты нападения на союз белых и могижан, никто даже и не заметил отсутствия пленника. Когда была приготовлена утренняя трапеза, один из ирокезов направился к тому месту, где сидел француз, чтобы дать ему возможность подкрепить свои силы. —Бледнолицый! Его нет! Трусливый щенок сбежал! —Мимитех нигде нет! Я проснулась задолго до рассвета, но её уже не было в хижине, — с нескрываемым волнением прокричала какая-то женщина. В деревне началась паника и суета, вождь же держался спокойно. Казалось, ничто не сможет поколебать его холодный и рассудительный взгляд. Он подозвал к себе шестерых воинов и начал давать им какие-то указания. В это время, рассвирепевший Отэктэй, можно сказать, рвал и метал. Он что-то кричал женщинам, обвиняя их в том, что не доглядели Луну, кричал на своих солдат. —Этим мы ей не поможем. Она ушла с ним со собственной воле. Одному Маниту известно, что мог сделать этот жалкий бледнолицый, чтобы такая девушка как Мимитех сама захотела последовать за ним, —успокоил Энэпей бушевавшего товарища. Вместе, они подошли к Аскуну. —Отец, мы с Отэктэем возглавим этот отряд и найдём нашу Луну. —Хорошо. Выдвигайтесь сразу после утренней пищи. Да прибудет с вами Маниту! Отец сделал одобрительный и повелительный жест в сторону сына. —Энэпей! Знай, твоя сестра умная девушка, и она будет путать следы. —Да отец. После трапезы, небольшой отряд выдвинулся на поиски сбежавших. К этому времени молодые влюбленные, ведомые и страстью и страхом, прошли уже добрую половину пути. Они бежали изо всей прыти, при этом Мимитех успевала пытаться скрывать свои следы. Она шла впереди Андре и он ступал точно ей вслед. В середине пути им пришлось сделать небольшую петлю, чтобы след запутался. Новая Луна то накидывала на тропу листьев, то искусно ломала веточки, как будто это сделал олень. Она была маленького роста и у неё были по-настоящему детские крохотные ножки, в то время как юноша также не обладал особенно крупными габаритами. Он был стройным, если не сказать худощавым, и их совместные след казался следом какого-то могучего охотника или траппера, неопытный следопыт наверняка так бы и подумал. К вечеру тучи застлали небо и разыгрался нешуточный ливень. Это усложняло ирокезам поиски беглецов, и, напротив, давало возлюбленным шанс на спасение. Они не стали пережидать бурю, и двигались всё дальше и дальше. Тем временем ирокезы остановились, чтобы дать волю стихии, в надежде, что молодые люди тоже остановятся на передышку, и после бури их след будет отчётливее виден, и их будет легче настигнуть. Но когда природа успокоилась, а небо уже озарилось засыпающей луной, ирокезы продолжили поиски, но всё было тщетно, ибо даже в такую светлую ночь, как была эта, следов разглядеть было невозможно, тем более после разгневанного дождя. —Если Новая луна ушла с ним, значит она того хотела. Бледнолицые жестокие и алчные люди, но Мимитех — мудрая девушка. Она

рассмотрела бы обман. Маниту подсказывает мне, что во вражеском лагере её не тронут. Движемся обратно. Настигнем врага в час настоящей битвы. Тогда и заберём ирокезскую девушку, -полный рассудительности произнёс Энэпей. Его поддержали, и ирокезы пошли в обратную сторону. Когда солнце уже зависало в безоблачном осеннем небе, беглецы остановились, чтобы перевести дух. Они оказались на берегу озера, и Мимитех поняла, что во время своего бегства, когда она снова стала путать следы, она взяла в право слишком круто, и они прошли французский гарнизон километрах в пяти. Девушка была очень выносливой, но её раненый возлюбленный не мог продолжить путь, не отдохнув хотя бы пару часов. —Эта попытка была опасна. Признаюсь, я не думала, что у нас получится. —Ты уверена, что нас не настигнут ваши мужчины? —Ирокезская девушка знает, как обмануть глаз ирокезского мужчины. Только она это знает. Но ни одна не делает этого, потому что мы уважаем наших мужчин. Они лучшие воины, они никогда не испытывают страха. — Но ты сделала это, милая Мимитех. И я ценю то, что ты делаешь для меня. — Я сделала это не только для тебя, а в большей мере, для своего народа. Иногда храбрость наших воинов застилает им разум, и они не видят ни одного пути, кроме как пути по крови. — Но почему, если у вас такие храбрые воины, ты не выбрала себе какого-нибудь в мужья? —Ни один воин, который не боится ни дикой кошки, ни медведя, не осмелился сказать ирокезской слабой женщине хотя бы одно ласковое слово. — После нашего знакомства моя жизнь заиграла новыми красками, да я и не жил вовсе, но ты вселила в меня веру в спасение и безоблачное будущее, которое я мечтаю провести бок о бок с тобой. Я обещаю, что наши бойцы не тронут ни тебя, ни твою деревню, только если, конечно, ваши мужчины примут наше предложение. Дальше они немного ещё поговорили, и Мимитех оставила своего друга отдыхать, а сама подошла к озеру. Картина, открывшаяся перед ней, на несколько мгновений успокоила её взволнованное сердце, и затмила думы, томящиеся в её голове.

Глава VII

Ослепляющее солнце сияло в глади воды, и отражаясь, казалось, освещало весь мир. Леса, окаймлявшие берега озера, нарядились в свои недолговечные костюмы, и всё вокруг струилось теплом и благоговейностью. На небе не было ни облачка, и только орёл парил в высоте, то зависая, то махая крыльями, описывал круги над озером. Безбрежная гладь воды веяла спокойствием, и лишь иногда лёгкий ветерок пускал рябь по кристально-прозрачной воде. Казалось, в такой день, что бы человек не затеял, у него обязательно получится осуществить свои планы и мечты. Это умиротворение веяло ото всюду: леса дышали теплым осенним солнцем, вселяя в смотрящего на него лёгкость души и тела; птицы, плавающие по озеру в полнейшем спокойствии, говорили, что по близости нет ни малейшей опасности, и если кто-то бежит от врагов, то здесь самое место чтобы спрятаться. Мимитех стояла замороженной, прильнув к прибрежному деревцу, мягко купающего свои ветви в хрустальной воде, не меньше получаса, а потом под села к своему спутнику, который был поглощён сладкой дремотой, которая настигла его в этих спокойных и тихих краях, будто тут никогда и не было никаких войн и расправ, и никогда здесь не проливалась кровь ни одного живого существа. После долгожданного отдыха наступил час отправиться в путь, и через несколько часов молодые были уже в лагере французов. Они шли спокойно, и патрульный, что стоял метрах в 400 от лагеря, ни сделал ни каких действий, которые помешали бы ирокезке и французу пройти, а только поприветствовал молодого офицера и был слегка удивлён девушке, что составляла ему компанию. Они прошли через весь лагерь и заглянули в палатку к генералу, где вокруг стола столпились могикане и французские солдаты, а в углу сидел гурон, точивший своё оружие. Появление гостей отвлекло присутствующих там мужчин. — Милостивый Господь! Не успели мы обрадоваться возвращению гурона, как наш товарищ уже стоит перед нами! – воскликнул генерал Шароль, с глазами, полными удивления и надежды, а Науэль бросил в его сторону презрительный взгляд, а после, перевёл его на только что пришедшую пару, всё с таким же призрением. — Генерал, я несказанно рад вас видеть! Вот- ирокезская девушка, она послужит нам хорошую службу в осуществлении наших планов, – с тщеславием и самолюбием выразил Андре, схватив Мимитех за руку, и приложив усилие, швырнул её к ногам стоящих там солдат. Девушка, охваченная скорбной печалью и растерянностью, ничего не смогла ответить. Её глаза остекленели, а тело парализовала боль от раны, нанесённой в место, которое находится намного глубже, чем сердце. Индейцы, присутствующие там, издали одобрительно «Ууух», и генерал приказал одному увести девушку в отдельную палатку и поставить над ней надсмотрщика. Когда дело было сделано, Андре попросил у генерала аудиенции, и тот вежливо приказал могиканам и своим солдатам выйти. — Генерал, довожу до вашего сведения, что эта девушка – дочь вождя ирокезов, и я думаю, он на многое готов, чтобы его дитя вернулось невредимым в родные вигвамы. — Да юноша, я знал, что вы храбр и умён, но чтобы настолько! Даже я не додумался бы выкрасть дочь индейского вождя. Но это одно дело. Другое дело – как вам это удалось! – Девушка совсем юная, она не видела ещё мужской доброты и ласки, мне без труда удалось убедить её, что я питаю к ней искренние и нежные чувства. — Вы оболгали юную красавицу? Эх, Андре... Ну, Господь простит тебе этот грех, ведь он во благо не одного тебя, а всей нашей нации. — Хотя я и оболгал девушку, в том что люблю её, всё же в ней определённо есть что-то великодушное и прекрасное, что влечёт к ней мужчин, хоть она и говорит, что среди мужчин её племени не нашлось человека, который смог бы признаться ей в чувствах. Выйдя из тёмного угла Науэль встал за спиной Арно. — Даже грязный минг не сделал бы так, ты хуже минга. Ты больше похож на делавара, который надел юбку, что бы отвести от себя глаза врагов, когда вот-вот наступит час роковой битвы. Андре вздрогнул от неожиданности, и обернувшись, с отвращением посмотрел на гурона. — Генерал приказал выйти всем, ты что, душевнобольной, или

глухой? Какое право ты имеешь подслушивать разговор двух вышестоящих тебя чинов? Ты находишься в обществе генерала-полковника и одного из капитанов нашего войска, будь добр, индеец, избавь нас от страдания наблюдать твою дикую физиономию. — Вождь бледнолицых сказал могиканам и французам. Ягуар — гурон. Ягуар не могиканин. И тем более не француз. — Юноша, не горячитесь, оставьте в покое нашего товарища. Будьте уверены капитан, он еще сыграет свою роль в этой битве. Науэль с безразличием, приправленным долькой отвращения и ненависти, посмотрел на Андре и безмолвно покинул палатку, оставив офицеров одних. Генерал захотел разузнать подробности спасения, а так же расспросить солдата о положении ирокезов, насколько велик их отряд, вооружение и так далее. Науэль, выйдя из палатки, направился к месту, где сидела Мимитех, окружённая и индейцами, и бледнолицыми. Последние то и дело подшучивали над девушкой, в то время как могикиане выражали презрение и недовольство тем, что девушка предала своё племя ради глупого и трусливого бледнолицего. Но Луна держалась достойно, и с невозмутимым видом выслушивала всё, что лилось из уст окружавших её солдат. — Только глупые мужчины могут смеяться над девушкой, или презирать её, за то что она имеет мужественное и кроткое сердце, которое изменило ей самой, — выразился Науэль, и жестом показал, что хочет, чтобы все покинули пленницу. С неодобрительными взглядами и возгласами солдаты встали и, удалившись, вернулись к своим привычным делам. — Я предупреждал ирокезку. Она слишком добра. Она погибнет от своего добра, — сказал Науэль и подсел к Мимитех. Воцарилось молчание. Невозможно передать словами, что чувствовала в это время девушка, обманутая и оскорблённая. Из палатки генерала вышел Андре. — Тебя ждут в палатке генерала, краснокожий. — Гурон подчиняется своему разуму, а не разуму глупого бледнолицего шакала. Девушка нужна живой. Слова шакала могут убить её. — Да, гурон, видно ты не глухой, а в действительности тугоумный. Тебя ждёт генерал Шароль, и не в твоих интересах заставлять его ждать, гурон. — Не слушай щебетанье соловья, когда идёшь по дну озера. Чем больше веришь, что он там есть, тем ближе смерть. Чем слаще он щебечет, тем скорее приходит твой закат, — обратился Ягуар к ирокезке, на языке, который понимали из присутствующих только они двое. Мимитех проводила его взглядом до палатки, взглядом, полным непонимания и нерешительности, и когда он скрылся внутри, её глаза снова потухли. Слова Науэля пробудили в ней новые силы. Она ясно поняла, что гурон предостерегал её, и что она должна сохранить здравый рассудок, когда Андре будет выражаться. — Ты верно немного обескуражена. Но пойми, поле боя — не место ни для любви, ни для каких-либо чувств вообще. Мы должны сохранять хладнокровие и разумность, и применять хитрости, когда обдумываем планы нападения или отхода. Я не мог допустить, что бы ирокезы убили меня, а ты была такой доверчивой. Право прости меня, что я не считаю тебя человеком, — он говорил эти слова с надменной насмешливой улыбкой, и пытался ещё больше разрушить разбитое сердце мечтательной девушки, — да что там человеком, — продолжал он, — я не вижу в тебе даже девушки, которую можно было бы полюбить. Я не скрою, ты хороша собой, и у тебя достаточно миловидное личико, но для белого офицера ты не представляешь никакого личного интереса. Молчи, молчи индейская скво, и запоминай мой голос, потому что возможно, это последний голос что ты слышишь в этой жизни. Он еще немного посмеялся и убрался прочь. Девушка сидела всё с такими же стеклянными глазами, полных отчаяния, но ни одна мышца её лица, ни один мускул, что только были в её теле, не дрогнул. Она сидела, полная невозмутимого спокойствия с виду, а внутри горел огонь, который пробирался всё выше и выше, её грудь так горела, что вот-вот девушка могла разразиться страшным, полным боли и страдания, криком, но она по прежнему смотрела куда-то в даль, на подступающие сумерки, и не выдавала состояния своей души. Науэль вошел в палатку Шароля в полной уверенности, не чувствуя власти над ним. — Бледнолицый сказал, вам нужен гурон. — Да, да, юноша, проходите, присаживайтесь сюда, — указал Шароль на мягкие подушки, лежавшие в углу палатки. — Вы индеец, и вы достаточно здраво мыслите. Мои друзья могикиане посоветовали мне, как можно приме-

нить девчонку, и для завершения нашего плана мне нужно 3—4 храбреца, которые смогут прийти в деревню ирокезов и выложить им наши предложения. Вы согласны, вместе с двумя могиканами и одним нашим французским офицером, выполнить это поручение? Я в праве приказывать вам, но я знаю, что имею дело с человеком достойным. Вы отлично знаете эти края, и сможете сохранить послание и передать его вождю ирокезов. —Ягуар – не собака, он – гурон. Женщиной пользоваться – чести нет. Ирокезы не тронут могикан, если те пойдут с деловым предложением, у них свои законы – у вас свои. —То есть вы отказываетесь. Ну что ж, ладно. Будем надеяться, что будет всё так, как вы говорите. —Что ждёт ирокезку? Она нужна живой. — Ты берёшь на себя слишком много, гурон, и мы не обязаны отчитываться в своих действиях перед краснокожим, -вмешался Андре Арно, — Но будь уверен, нам будет над чем позабавиться. У этой скво прекрасные волосы, -рассмеялся Андре своим надменным и лицемерным смехом. К этому времени Отэктэй со своим небольшим отрядом, вернулся в свою деревню. Вождь встретил их, и по его лицу было заметно, что последние несколько часов он переживал страшную боль, что отразилась на его лице, хотя он и старался не выдавать своего волнения. Отэктэй начал разговор. —Стихия смела все следы с нашего пути. Мы ослеплены печалью, и не можем заметить знаков, что посылает нам Великий Маниту. —Что нам делать, вождь? Объявим войну, вождь? — с нескрываемой растерянностью и грустью поинтересовался Энэпей. —Отец? —Мы будем ждать. Маниту сохранит свою дочь, да, Маниту сохранит её. Пришедшие воины в недоумении проводили взглядом растерянного вождя, и прошли в глубь становища, где женщины готовили тёплый очаг и желанный ужин. В это время во французском лагере могикане и белые люди снова совещались по поводу дальнейшей судьбы пленённой девушки. Одни высказывали свое желание просто убить девчонку, другие – сначала придать пыткам и выудить из неё информацию касательно лагеря ирокезов, и позже убить, ну а белые, в большинстве своём, признали, что судьба её решена, и как бы того не хотели индейцы, с ней поступят так, как приказал генерал. Приближавшаяся ночь накрыла всех обитателей лагеря утомлением, и многие уже готовились ко сну в своих палатках. Мимитех сидела у разведённого Науэлем небольшого костра, в отдалении от поселенцев. Она пыталась всячески скрыть свою боль и разочарование. — Как бы гурон не воевал, в его сердце живёт надежда на мир, — произнёс подсевший к девушке Ягуар, — Подобно орлу, что летает в облаках, но мечтает ходить по земле. Но есть гуроны, которые любят войну и ничего кроме неё не видели, подобно орлу, парящему высоко над горами, и не признающего землю, думая, что до неё не возможно долететь. Ирокезка борется, но ей может не хватить сил. — Ирокезку не беспокоит бледнолицый шакал, её беспокоит сердце, что позволило обмануть себя, и здравый смысл, что не разглядел обмана. Она не боится пыток белых людей, она боится, что больше не вернётся к отцу и брату. Она знала, что влечёт за собой её отчаянный шаг, но она ослепла от белого лица, что источает слепящий свет. Слишком белое, что бы что-то чувствовать, будто кровь покинула это несчастное жалкое тело и только злость и ненависть заставляет двигать его язык, руки и ноги. —Ни могикане, ни бледнолицые не будут тебя пытаться. Но всё зависит от твоего отца. —Если так, то мне неизбежно грядут пытки, хотя существует ли большая пытка, чем стать предателем своего народа, и потерять честь в глазах отца, подобно тому, как если бы птенец улетел в другое гнездо, только лишь от того, что туда приносят пищу больше и вкуснее. Но даже птаха бы не сделала того, что сделала я, гурон. Хотя воюя бок о бок с могиканами, ты не делаешь чести, как если бы волк дрался за шакалов. — Гурон не волк, но и не шакал. Он Ягуар, и делает то, что требует его сердце и честь – он бьётся за всех ягуаров, хоть их с ним и нет, и он не подчиняется шакалам, а лишь пользуется их оружием и положением. Они лишь идут по одной тропе, но каждый со своей целью. —Ирокез бы никогда не позволил себе встать на одну тропу с могиканами или гуро́нами. —Да, если ирокеза кто-то ждёт в его вигваме. Удивительно, но только Науэль из всего отряда, состоящего из индейцев и белых, из всех 200 с небольшим человек, говорил с Мимитех так, будто они вовсе не враги, а он не собирался никого убивать, а просто

шёл мимо лагеря, и решил заглянуть, а заодно и поговорить с одинокой девушкой. Он знал, что она такой же враг, как и каждый ирокез, но что-то сдерживало его, хотя когда он узнал, что она дождь вождя Аскуна, его одолевало желание убить девушку, без всяких расспросов и церемоний, и отнести её скальп гурунам, но всё же, созревший в его голове план, о котором мы расскажем чуть позже, перебил жажду вражеской крови. Но план его был жесток, а девушка была храброй и милой, что смягчало сердце молодого воина, когда он разговаривал с ней, и на мгновение ему показалось, что его план слишком бессердечный и невежественный, хотя и не предвещал опасности для жизни девушки. Но теперь, когда девушка оказалась в таком положении, что у себя в племени она станет предателем, и её скорее убьют там, нежели будут спасать, исход его дела мог оказаться не таким торжественным и драматичным, как он это предвещал. Науэль стал продумывать все детали, и учёл то, что минги ещё не знают о проступке дочери вождя, если только она сама не заводила с кем-то разговор, и если кто-то ещё из племени не помог ей в этом деле. Науэль удалился в свою палатку, и девушка осталась в одиночестве, наедине со своими мыслями. Она думала о том, как правильнее будет принять смерть – от белых или могикиан, или вернуться в родное поселение, где она станет приманкой для изголодавшихся воронов. Девушку не пугало предстоящее будущее в лагере французов, хотя и гурон известил её, что жизни её ничего не угрожает. И всё же ей казалось, что она должна принять с достоинством уготованную ей участь в родных местах, чем быть поверженной от рук бледнолицых. Под ласковым светом угасающего костра девушка погрузилась в сон, когда луна уже ярко освещала всё, что было в её владениях, и весь лагерь сонно дышал из своих палаток. Она проснулась когда солнце только начало показываться из-за горизонта, в то время как весь лагерь, кроме одного человека, ещё отдыхал. Под нежными рассветными лучами Науэль бродил вокруг лагеря, с ружьём, данным ему генералом Шаролем. Он держал его на плече и, если бы рассвет не освещал лес так сильно, можно было бы подумать, что человек, бродящий взад и вперёд, никто иной как часовый. До для Науэля не было надобности следить за границами лагеря, это не входило в его обязанности, он лишь высматривал, кого можно было бы подстрелить, ведь охотой он занимался чаще и больше, чем любым другим делом. Вскоре он скрылся из поля зрения, а Мимитех, так и не заметившая его, была обеспокоена услышанным вдалеке выстрелом, через некоторое время после того, как Науэль погнался за добычей. Неся на правом плече ружьё, а в левой руке подбитую утку, он приблизился к лагерю, и пройдя мимо смотревшей на него с небольшим удивлением Мимитех, скрылся в своей палатке. Через недолгое время из неё повалил лёгкий дымок, а ещё через час-полтора гурон вышел с миской еды, искусно приготовленной самолично им, и приблизился к пленнице. —Славная пища, что бы ободрить тело, в котором заточён терзающийся дух. Я развяжу тебе руки, ирокезская девушка. Тебе не за чем бежать, скоро ты окажешься дома. Глаза луны загорелись, и она с нетерпением, несвойственным индейской скво, да и индейцам вообще, стала расспрашивать Ягуара. —Ты что-то знаешь, гурон? Ты видел, быть может, моего брата в лесах, когда гнался за этой уткой. —Я гнался за уткой, так же как видел кого-либо из ирокезов. Утка спокойно плавала, и моя пуля достигла её тела быстро, не дав ей даже возможности побарахтаться. Я не гнался за ней. Пуля гналась, когда ружьё спокойно лежало в моих руках, а ноги твёрдо и недвижимо стояли на земле. —Новой Луне никогда не взойти, она навсегда останется пятном на небе, потому что останется в лагере шакалов навечно, и даже кости её будут лежать не в родной деревне. —Стало быть, Мимитех нарекла тебя мать, -произнёс Науэль, попутно развязывая путы на руках девушки, – я помню её, и видел однажды, как Маниту говорил её губами, когда была пора большой воды и долины гурунов были наполнены жидкостью. Когда племени приходилось кочевать с места на место, не успев построить старые вигвамы, им приходилось строить новые. Но прошлое утекло так же, как та вода, что залила наши селения. А будущее ещё не predetermined. Пусть Дневная Певчая – не говорит того, чего не знает. —Никто не имеет права называть меня иначе, чем назвала меня мать. Но мне нравится это имя, гурон, ирокезы бы звали меня

на свой манер -Мэтэйнэй. Но я не буду носить это имя. Назови им другую индейскую девушку, которая будет щебетать нежным голоском, и которая понравится твоему сердцу. — Луна щебечет также нежно, как королёк в весеннем лесу, но даже её сладкое щебетанье не может унять сердце гуруна. Сердце гуруна уймёт только скальп отца щебечущего королька. С этими словами индеец снова связал девушке руки и оставил её одну, видя, что лагерь оживился, и скоро могикане отправятся в путь по опасной тропе. Когда солдаты и краснокожие закончили с приготовлениями, небольшая группа индейцев, а также Шароль и Арно, подошли к сидевшей в томной печали пленнице. Один ленап приблизился к ней с ножом, но девушка не подала вида, и оставалась невозмутимой. —Прядь за прядью будет исчезать с твоей головы, если вождь ирокезов будет молчать, и пока он молчит, мы срежем все твои прекрасные волосы, оставив одну прядь, чтобы легче было снять скальп, хотя со всеми его волосами он был бы более ценен. С этими словами могиканин распустил волосы девушки, которые по обыкновению были заплетены в косы, и отрезал ножом не большую прядь. У неё были густые волосы, длиной доходившие почти до колен, и чёрные, как перья ворона, и если бы дальше они оставались невредимыми, не было бы заметно, что враг украл с головы девушки часть её прекрасных волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.